

*“Благодаря нестандартным переплетениям судеб
читается на одном дыхании”...*

РАЗБИТАЯ ГИТАРА-3 РАЗЛУКА



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕЛЕНА МЕЙСАК

18+

Елена Мейсак

Разбитая гитара. Книга 3. Разлука

«Автор»

2017

Мейсак Е. В.

Разбитая гитара. Книга 3. Разлука / Е. В. Мейсак — «Автор»,
2017

Продолжение серии детективов "Разбитая Гитара". Единственный сын Амиры при загадочных обстоятельствах исчезает с собственной коронации. Пытаясь защитить сына, Амира совершает роковую ошибку, которая повлекла за собой жертвы. Она оказывается в тюрьме по обвинению в двойном убийстве. Теперь она одинока, раздавлена и никому не нужна. Как вырваться из западни и найти того, кто ее подставил? Шокирующая развязка неожиданна. На пути Амиру ждут удивительные встречи и любовь, о которой мечтают многие. Но она поставила на кон свою жизнь, и если не докопаться до правды, то сделка будет проиграна, ее вычислят и ликвидируют, а с ней и всех остальных. Содержит нецензурную брань. Обложка создана искусственным интеллектом.

© Мейсак Е. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| 1 | 5 |
| 2 | 9 |
| 3 | 14 |
| 4 | 19 |
| 5 | 23 |
| 6 | 26 |
| 7 | 36 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 37 |

Елена Мейсак

Разбитая гитара. Книга 3. Разлука

1

Неторопливо откинув со лба белоснежную копну шелковистых волос и прижимая к груди слинг с мирно посапывающим ребенком, она горделиво приосанилась. В собор Святого Доминика сегодня было приглашено очень много людей, несколько сотен человек, не меньше. Едва уловимо касаясь ушей присутствующих, по рядам пробежал возбужденный шепот. И уже через мгновение, словно по мановению дирижерской палочки воцарилась тишина. Амира, так звали обладательницу белоснежной копны, медленно повернула голову вправо.

По красивой, вручную расшитой ковровой дорожке к алтарю, чеканя шаг, шел ее сын, Эстебан. Амира неслышно вздохнула. Это был день ее радости и печали одновременно. По другую сторону дорожки дожидался архиепископ. Сегодня из его рук сын должен будет принять корону и исполнить волю Господа, пройдя ритуал помазания на царство.

Она вздрогнула, словно бы на нее вылили ушат воды. Стоп! Какое еще царство? Это звучало дико. Такое чувство, будто на дворе царило средневековье, и сейчас из какой-нибудь подворотни выбежит Великий Инквизитор и заберет их всех от греха подальше.

Эстебан же совсем ребенок! Ему ведь нет еще и двадцати. Как он может стать монархом пусть в маленькой, пусть в тихой, но все же – стране?

Эти мысли ледяным вихрем проносились в голове Амиры, пока она молча стояла среди приглашенных гостей, наблюдая, как шаг ее мальчика, которого она еще совсем недавно вот так же держала, прижимая к груди, словно маленький теплый комочек, шаг ее мальчика замедлялся, гулким эхом начищенных до блеска сапог разрезая утро на лоскуты неповторимых мгновений.

Как же угораздило Массимо Оливера отправиться на тот свет так рано? Господи, нет, ну нет же, как не хочется давать свое согласие на венчание Эстебана с Кастанией, с этой уже почти что незнакомкой, страной, где она когда-то была так счастлива, но которая родной ей так и не стала.

Не могли бы его величество... Да нет, если могли бы, конечно, остались бы на троне. А теперь этот день, когда она должна отдать сына в мохнатые лапы монархии, появится на свет недоношенным.

Кастания до сих пор проводит ритуалы коронации, и уже через несколько минут архиепископ поделит их с сыном жизнь на до и после, когда обычный российский мальчик Сережа Скворцов, хотя... вы можете называть его просто Эстебан Оливера, этот мальчик пройдет сквозь зеркало времени и выйдет оттуда королем небольшой, прекрасной и очень гордой страны.

А затем группа приглашенных людей, в которую входила и она тоже, направится во дворец на бал, а может быть, и маскарад по случаю коронации.

На глаза Амиры навернулись слезы. По привычке она до боли закусила нижнюю губу. Ребенок в слинге сладко посапывал. Амира почувствовала, как ее муж Драган Кажич, сидевший рядом, взял ее руку и ободряюще сжал.

Эстебан преклонился на одно колено и в знак смирения и покорности перед Богом опустил голову. Сквозь пелену тумана Амира увидела, как тяжелый меч, отлитый из блестящей стали, лег на плечо ее мальчика, золотая корона торжественно надета на голову, а губы строчка за строчкой произносили клятвы верности стране, радушно принявшей его в свои объятия.

Ее сын в парадном мундире выглядел просто ослепительно. Но вот еще один короткий миг, и все закончилось. Сейчас они сядут в лимузин и поедут во дворец. Она отдала ребенка няне и покинула Собор Святого Доминика.

По традиции королевский кортеж должен объехать весь город, чтобы его могли поприветствовать местные жители, которые ждали этого дня с нетерпением и уже при выходе из Собора приветствовали нового короля радостными возгласами и мерцанием тысяч флажков.

Церемония коронации, как и ее свадьба когда-то, транслировалась телеканалами на тысячи больших мониторов и маленьких мониторчиков.

В восемь вечера Амира и Драган прибыли во дворец. Они немного опоздали из-за того, что ребенок внезапно раскапризничался, и ей снова пришлось взять дочку из рук няни, чтобы успокоить.

Но когда они прибыли во дворец, их снова приветствовал гул. Что-то в этом гуле показалось Амуре странным, и по старой привычке ее нервы сделали стойку.

Взбудораженные, покрасневшие лица людей не давали ей покоя. Что же их так беспокоило?

Она огляделась вокруг. В такой толпе трудно было разобраться, что к чему, но уже буквально через минуту к ней подошел начальник службы безопасности короля, Хуан-Антонио Гонсалес-Маркес.

– Извините, госпожа де Оливера. Мне... мне чрезвычайно неудобно обременять вас этим вопросом. Но вы... их величество приехали с вами?

Госпожа де Оливера! Это обращение резануло ей слух. Когда-то ее называли «ваше высочество», а Эстебан носил титул Инфанта Кастании. Годы отчеканили свой рисунок на листе их жизни, и со временем высочество стало ее раздражать, да и сына тоже.

Но у жизни на них были свои планы, и если ее желание исполнилось, и после замужества с Кажичем она утратила право на титул, сыну это, судя по всему, не угрожало.

Почему же сейчас ее так выводило из себя это обращение?

Секундой позже ее мозг молнией пронзила мысль: «Подождите! Он спрашивает, не с нами ли Эстебан? Что, черт побери, все это значит?»

Она судорожно повернула голову и стала оглядывать зал. Наточенным резцом своей фотографической памяти она вырезала присутствующих из толпы а затем возвращала обратно, к расставленным по краям зала круглым столикам с накрахмаленными до снежного хруста скатертями.

Где же Эстебан???

Происходящее переставало ей нравиться, плесенью старого грибка разъедая настроение.

Гонсалес-Маркес связался с начальником государственной службы безопасности, который тотчас же начал работу по розыску новоиспеченного короля.

Прошло уже три часа, три долгих, томительных часа, а ответа от спецслужб все не было. Напряжение словно бы сжало кислород вокруг в тугую пружину с множеством витков, готовую безжалостно разжаться в любой момент, больно ударив присутствующих кривизной реальности.

И наконец, пришел тот, кто должен был решить ее судьбу. И он решил.

Запинаясь буквально через слово, начальник службы государственной безопасности вымолвил: «Госпожа де Оливера, мы делаем все возможное. Мы также направили запросы во все полицейские участки страны. В настоящий момент мы делаем все, чтобы определить местонахождение его величества. Пожалуйста, не волнуйтесь. Мы работаем над этим».

Амира медленно, но верно отеснила его от толпы и тихо, сквозь зубы пробубнила:

– А теперь я прошу вас сказать на доступном испанском языке, что, черт побери, все это значит?!

– Это значит, что ваш сын, его величество Эстебан де Оливера, пропал.

Голограмма ее взгляда бесконечно менялась. Колебательными движениями искрящиеся нотки взяли в руки скрипки и молча вышли из оркестра ее взгляда.

Следом за ними вышла радость, затем надежда, затем воодушевление. На их место, держа вместо смычков напильники, пришло сначала выражение удивления, потом недоумения, затем боли, гнева и наконец, глухого отчаяния.

Всю эту какофонию взглядов и калейдоскоп чувств полковник увидел лишь в считанные доли секунды. В другие считанные доли она, словно пантера, подскочила к нему, лицо к лицу, глаза в глаза, душа к душе.

– Что значит, пропал?! – еле слышно процедила она.

– Бога ради, Амира, сбавь скорость! Мы сейчас разобьемся! – Кажич не знал, каким богам ему молиться, чтобы к ней вернулся рассудок. Стрелка спидометра ползла к отметке сто восемьдесят километров в час.

Внутри у Кажича все тряслось, обрывалось и падало вниз. У него было дурное предчувствие. Если их прямо сейчас не схватит полиция, они гарантированно разобьются.

Они летели в аэропорт. Пятнадцать минут назад Амира схватила Кажича за руку, словно прошлогодний мешок с картошкой, и поволокла в машину. Выкинув из нее водителя, она села за руль и погнала машину, на ходу звоня кому-то, требуя привезти в аэропорт документы и улаживая детали полета, силой ее гнева прямо на глазах превращавшиеся в крупички досадных формальностей.

На все вопросы она отвечала что-то невразумительное, говоря очень мало и ничего, по сути, не объясняя. Кажич никак не мог понять, зачем ей понадобилось лететь в Россию.

Почему нельзя было просто подождать в Кастании, пока служба госбезопасности во всем не разберется?

Да, странно, что молодой король слинял прямо после коронации, но кто в молодости не чудил? Кажич вспомнил, что вытворял в возрасте Эстебана. Да эти выходки заставили бы покраснеть любого грешника в аду.

Ну, мало ли, познакомился с девушкой, или у него уже была какая-нибудь на примете, решили они послать куда подальше весь этот балаган с придворными танцами, застольными речами и поздравлениями, балансирующими на лезвии зависти и пожеланий бесчисленных бед столь скоропостижно занявшему престол наследнику.

С момента пропажи Эстебана прошли всего сутки. Наверняка его найдут уже дня через два на квартире какой-нибудь профурсетки. И что в этом такого? Молодой же парень! Зачем нужно мчаться в Россию?

Предположим, Амира права, и офис партнеров ее бывшего работодателя – единственное место в мире, где находятся какие-то защищенные каналы связи, что им все это даст?

В голове Кажича медленно заваривалась противная, скользкая и чавкающая каша. И по мере того, как они приближались к аэропорту, каша густела, превращаясь в липкую, вязкую смолу.

Амира продолжала что-то рывкать в телефон. И это на такой-то скорости! Кажич и не заметил, что уже давно вцепился обеими руками в края кресла.

Тем временем они достигли аэропорта, куда личный помощник Амиры привез все необходимое для продолжения их адской поездки.

Пока они летели в Москву, Амира ввела Кажича в курс дела относительно своих планов, отчего у бывшего теперь рокера зашевелились на голове волосы.

– Амира, ты хоть понимаешь, во что ввязываешься?

– Драган, у меня плохое предчувствие. Очень. А когда дело касается таких предчувствий, я не склонна шутить. Что-то подобное я в этой жизни ощущала лишь однажды, после чего оказалась похороненной заживо. Я чувствую, что моего сына вновь похитили. Пока мы летим

в офис, мне привезут все, что я им сказала. Сначала я просто проверю свои подозрения. И если они оправдаются, я сама буду спасать его.

– Каким образом ты собираешься выяснить это?

– Методом тыка, естественно. В Патонге нас учили этому. Если ничто не помогает, берешь палку и начинаешь тыкать во все, что попало. И сейчас палка нашептывает мне на оба уха сразу, что Эстебана уже давно нет в Кастании.

Кажичу не понравился этот юмор. Он явно выдавал сильную нервозность.

– Почему ты не хочешь подключить Интерпол? Или позвонить своему давнему знакомому, Сиддхартху? Зачем тебе нужно ввязываться в это самой? Ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь? То, что ты собираешься сделать, противозаконно! А если тебя вычислят и отдадут под трибунал? Ты хоть думала о том, что у тебя кроме сына есть еще и дочь? Или то, что она не королевской крови, не дает ей права на выбор?

Глаза Амиры сузились в две щелки.

– Драган, пожалуйста, никогда не говори того, о чем впоследствии можешь пожалеть. Я чувствую, что речь идет о жизни Эстебана. К счастью, дочке сейчас ничто не угрожает. Ее жизнь в безопасности, ребенок находится в надежных руках. Мама за ней присмотрит. Несмотря на все ее недостатки, она не такая уж плохая бабушка. По крайней мере, Эстебана первые пять лет его жизни воспитывала именно она. То, что я собираюсь сделать, не просто противозаконно. И в случае, если меня вычислят, мне угрожает кое-что похуже, чем трибунал. Но пока у Сиддхартха, а тем более, Интерпола, руки дойдут до меня и моих проблем, пока они подготовят все, что нужно, мы потеряем драгоценное время, и Эстебана, возможно, уже нельзя будет спасти. И если бы смертельная опасность сейчас угрожала тебе, я бы ни секунды не колеблясь, бросилась тебе на помощь, даже рискуя своей жизнью. Как же ты можешь просить меня не думать о сыне?! Как ты можешь думать, что я брошу его на произвол судьбы, словно собаку? Да какая разница, королевской он крови или нет?

– Но почему ты думаешь, что ему угрожает смертельная опасность? Все это больше похоже на нервную горячку, уж извини. А точнее, на бред сумасшедшей.

– Потому что здесь, – она импульсивно ударила себя кулаком в грудь, – здесь бьется сердце матери. А сердце матери никогда не врет!

Сказав это, она замолчала и отвела взгляд. Но от Кажича не могло укрыться то, какая боль черным дымом заволочла ее глаза.

– Я лишь прошу тебя, Драган, об одном. Побудь со мной, пока все это не закончится. Мне очень нужна твоя поддержка сейчас. И никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не рассказывай того, что ты вскоре увидишь.

Это были ее последние слова, после чего красиво очерченные губы не произнесли больше ни звука до тех самых пор, пока двое усталых миссионеров из Собора Святого Доминика не прибыли в небольшой офис на Остоженке.

2

В серверной комнате тихо жужжали десятки компьютеров. Оглядевшись вокруг и увидев, что все, что ей необходимо, приготовлено, Амира попросила остаться в помещении только Кажича и директора офиса, Николая Тихомирова.

– Кислота, паяльник, канифоль, карта здесь? Что значит, электронная карта? Нет, мне нужна только бумажная. Полноформатная карта мира в бумажном виде. Пошлите кого-нибудь в книжный магазин, благо он недалеко. Ну как можно было так подвести меня?! У нас каждая минута на счету, а вы хотите, чтобы я работала с электронной картой. Вы бы еще есть меня заставили через монитор!

С этими словами она сняла куртку и, пока несли карту, включила свой ноутбук, одновременно доставая из приготовленной для нее сумки толстый провод, наподобие того, что подключается к системному блоку.

Пристально поглядев на провод, она положила его рядом, а слева от себя поставила банку с серной кислотой, закрыв ее специальной крышкой с прорезью.

Затем она в течение получаса нажимала кнопки телефона и куда-то звонила. Наконец принесли карту. Движения Амиры были точными и слаженными, но по лицу было видно, что она сильно нервничает.

Она разложила карту на столе и положила рядом фотографию Эстебана. Затем, наведя левую руку на карту и растопырив пальцы, она что-то бессвязно забормотала.

Перелистывая страницы одну за одной, она читала какие-то странные то ли мантры, то ли заклинания, Кажич не мог разобрать, что это было. Однако через час ее рука остановилась над местом, судя по всему, располагавшимся чуть правее Индостана.

– Есть ли здесь карта Патонга? Быстро! – рявкнула она.

Тихомиров оторопело помог ей найти его на карте. Амира дышала тяжело, на ее висках выступил пот.

– Есть! Драган, он в Патонге! – на его недоуменный взгляд она ответила, – не удивляйся. Нас еще и не тому учили. Впрочем, ты сейчас сам все увидишь. Сейчас я должна буду сделать звонок кое-кому из правительства одной из соседних стран; спутник, который я собираюсь угнать, принадлежит им. Не хватало еще спровоцировать международный конфликт.

– Делай, что хочешь, Амира, – голос Кажича звучал обреченно, – я лишь надеюсь, что ты отдаешь себе отчет о последствиях того, что сейчас собираешься предпринять.

– Прекрати уже, Драган! – Амира начала злиться. – Ты думаешь, мне хочется всем этим заниматься? Или может быть, полагаешь, что у меня есть выбор? Я тебя сюда пригласила не для этого. Не для того, чтобы ты мне читал нотации и вставлял палки в колеса. Если Эстебан в Патонге, то он, скорее всего, находится в гарнизонах генерала Пратханга¹, а это значит, что отсчет его жизни идет на часы. Пратханг имеет зуб на наши подразделения, и очень большой. Вряд ли он когда-нибудь забудет, скольких его людей казнили за терроризм и разжигание межнациональной вражды. И только представь, что ему в лапы попал не кто иной, как сын одной из самых ярых исполнительниц воли его врагов! Да к тому же, еще и король! Ты хоть себе представляешь, какого страху он напустит на мир, пристрелив его?!

Кажич смотрел на нее недоверчивым взглядом. Кажется, у жены начинаются проблемы с головой. Явные или пока не совсем. Он был наслышан о том, что это часто происходило с людьми, служившими в Патонге, которые по каким-то причинам остались в живых.

Нервные перегрузки в этой чудесной стране были столь высоки, а цена жизни так низка, что некоторые, отслужив положенное, спивались, а отклонения той или иной степени присут-

¹ Генерал Пратханг – главнокомандующий повстанческой армии, вышедшей из-под контроля правительства.

ствовали почти у каждого третьего отставного военного. А тут еще недавние роды. В общем, кажется, пришел черед беде стучаться и в их дом.

Однако он уже успел немного узнать спутницу своей жизни и видел в ее глазах, что мешать ей бесполезно. По крайней мере, сейчас. Поэтому вслух он произнес лишь:

– Но почему ты так уверена в этом?

– Давай не будем терять время, Драган. Мы сейчас сами все увидим. И дай-то бог, чтобы я ошибалась.

На столе серверной стояли четыре компьютера, которые она настроила на связь друг с другом. Четыре монитора показывали какую-то белиберду до тех пор, пока Амира резким движением не вытащила шнур из главного компьютера и не вставила другой, с широким черным набалдашником, соединившим компьютер с ее ноутбуком.

На мгновение картинки настольных мониторов моргнули, погасли, и вдруг на одном из них, том, что был правее всех, показалось изображение спутника. Видимо, того, о котором она говорила.

Введя какую-то комбинацию на ноутбуке, она нахмурилась. Ситуация ей явно не нравилась. Она подошла к зеленой доске, висевшей на стене и служившей информационной доской для компьютерщиков. Взяла лежавший рядом порядком истертый мел и принялась что-то чертить.

Постепенно на доске появились многоярусные ряды из корней, интегралов, логарифмов и еще какой-то дребедени, названия которой Кажич даже не знал.

Амира чертыхнулась. Вот эта кривая явно здесь не к месту. Да, ее сын быстро бы разобрался с такой ерундой. Но по иронии судьбы его-то здесь как раз и не было. Она продолжала чертить. Стирала начерченное и писала вновь. Часа через три внизу доски появился одиозный буквенно-цифровой набор символов, где-то, из сорока.

– Драган, это займет больше времени, чем я предполагала. Самое сложное сейчас – подобрать пароль контроллера к спутнику, остальные степени защиты будет пройти проще. На взлом спутника у меня будет всего три попытки. Это допустимый максимум, после чего наше местоположение будет локализовано, и чем это закончится, одному Богу известно. Но я знаю, что если ни я, то с этой задачей не справится уже никто, и через несколько дней мне придет по почте видео с отрубленной головой моего ребенка. Именно так Пратханг поступает с особенно удобными ему людьми.

Кажич перекрестился. Тихомиров молча стоял рядом, его лицо цвета пепла застыло, словно посмертная маска.

Она взяла паяльник и зеленовато-коричневую плату, на которой аккуратно припаивала какие-то микросхемы. Таких плат она сделала три. Потом она подключила к главному серверу прибор, напоминавший жесткий диск, открыла его и вставила плату внутрь.

На компьютере слева в черноте монитора высветилось красное поле, запросившее ввод пароля.

Амира ввела комбинацию с доски. Компьютер, истошно заорав, заморгал красным окном, выдавая ошибку ввода.

«Твою мать!» – выругалась Амира, вырвала плату из устройства и швырнула в банку. Кажич удрученно наблюдал, как ионы серной кислоты разлагают на атомы то, что еще секунду назад было сложным хакерским устройством. Так вот чему их там учат в Патонге. Кроме того, как укладывать пули в головы, разумеется.

По лицу Амиры было видно, что ей не до шуток. Она подошла к доске и продолжала вычерчивать какие-то безумные уравнения. Был уже поздний вечер, а она до сих пор не съела ни крошки. Тихомиров сходил в ресторан неподалеку и принес им всем ужин, но она к нему даже не притронулась.

Подбор второго пароля занял еще больше времени, и километровую комбинацию удалось получить только к утру. Кажич, прикорнувший на дешевых офисных стульях у стенки, выглядел помятым и злым. Амира же, судя по всему, не сомкнула глаз. Белки ее глаз налились кровью и стали бордовыми, словно у быка. Рядом валялась батарея пластиковых стаканчиков из-под кофе.

Наконец, часам к десяти утра одиозный код был готов. Но не успел Кажич и глазом моргнуть, как компьютер истошным воплем отверг сделанное ему предложение, следом за которым в банку с кислотой полетела вторая плата.

Губы Амиры задрожали. Было видно, что сутки без еды, без сна и без отдыха не прошли для нее бесследно. Ее лицо было бледным, под глазами залегли черные тени. Губы ее беззвучно двигались, словно бы она горячо читала молитвы.

К вечеру она совсем выбилась из сил. И как назло, у нее осталась лишь одна попытка добраться до чертова спутника. Если и третий код не будет принят, их дела совсем плохи.

Кажич взглянул на наручные часы. Семь пятнадцать. В этот момент он услышал какое-то оживление со стороны мониторов. Через секунду последовал радостный вопль ликования, издаваемый Амирой. Код подошел!

От радости она набросилась на Кажича и порывисто расцеловала его. После чего достала из сумки небольшой футляр и подлетела к столу.

Она быстро открыла футляр, надела какие-то контактные линзы и приблизилась вплотную к камере ноутбука. Так, кажется, сканирование сетчатки пройдено.

Амира продолжала вводить все новые и новые пароли в появляющиеся на мониторе окна. Они были уже проще, и их подбором занимался специально обученный скрипт.

Устроившись поудобнее, она начала прописывать в ноутбуке команды. Было видно, что она очень торопилась, и Кажич догадывался, что времени у них осталось в обрез. Не удивительно, ведь она бьется над спутником уже почти двое суток!

Пару раз он выходил на улицу покурить. И хотя ради жены он уже давно бросил, сейчас ему было трудно совладать с собой. Тихомиров уехал домой, и он по-своему завидовал ему.

Так прошла еще одна бессонная ночь. Когда Кажич проснулся, он вновь обнаружил себя лежащим на жестких стульях, а на часах было уже одиннадцать.

Он подошел к Амире, которая в этот момент скорее напоминала чокнутого ученого, чем любимую женщину, и подумал: «А что, если она и вправду тронулась головой, и все, что она сейчас делает – не более, чем происки сумасшедшей? Ведь кроме ее так называемой интуиции и материнского сердца у них нет никаких доказательств того, что Эстебан находится в Патонге. А что, если и правда он сейчас забавляется с какой-нибудь девицей?»

Он вздохнул и подошел к мониторам.

И в этот момент глазам Кажича предстала интересная картина. Спутник, еще вчера «рожками» смотревший на него, сейчас явно развернулся!

Это заметила и Амира, введившая на другой клавиатуре какие-то координаты. В этот момент изображение карты на одном из мониторов начало стремительно увеличиваться.

Сначала Кажич увидел Индостан. Затем карта сдвинулась чуть правее и еще больше увеличилась. Спутник повел их куда-то в горы. И тут у Кажича по спине побежал холодок. На мониторе появилось изображение военных баз!

Господи, помилуй. Ему стало страшно. С кем и с чем он сейчас имеет дело? Он женат на Амире чуть больше года, но, кажется, так совсем и не узнал ее.

В этот момент монитор показал им какой-то то ли склад, то ли амбар за высоким забором, с ограждением из колючей проволоки. И вдруг Амира вскрикнула и зажала рот рукой.

Следом за ней вскрикнул и Кажич. Возле амбара, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту, словно пыльный мешок на земле лежал Эстебан.

На нем был все тот же парадный мундир, в котором он еще несколько дней назад был на собственной коронации. Его лицо и руки были в синяках и ссадинах. Вокруг находились пятеро охранников в камуфляжной форме, на головах которых красовались черные маски с прорезью.

– Не похоже, чтобы его били. Думаю, транспортировка была не слишком аккуратной просто, – Амира говорила словно сама с собой.

В этот момент к ней, похоже, вернулось хладнокровие и железное самообладание. Она взяла мобильный телефон, вставила в него какую-то странную сим-карту и с кем-то связалась. После чего прислонила телефон к компьютеру и включила громкую связь.

– Да. Прямо сейчас. На базе сейчас обед, поэтому часть охраны разошлась, я это знаю. Нет. Командовать операцией буду сама.

Разговор шел на непали, и Кажич не понимал ни слова из сказанного. Еще на одном мониторе он увидел группу вооруженных до зубов людей, и ему не нужно было объяснять, что сейчас будет происходить.

Амира продолжала вбивать какие-то данные в ноутбук. Через несколько минут она стала отдавать короткие и четкие команды в трубку.

Из всего сказанного он понял только одно слово: газ.

Через несколько минут над ангаром появился какой-то объект, по виду напоминавший обычный воздушный шарик. «Видимо, радиоуправляемый», – подумал Кажич.

Достигнув ангара, шарик вдруг лопнул, издав негромкий хлопок. Еще какое-то время на мониторе ничего не происходило, но охранники вдруг один за одним начали зевать и оттягивать воротники у курток.

Эстебан открыл глаза. Казалось бы, он не понимал, что происходит. Дышать ему было явно трудно.

В этот момент Амира что-то опять гавкнула в трубку, и в считанные секунды через забор части полезли военные. На лицах у них были респираторы. Один из респираторов они бросили Эстебану, но потом увидели, что его руки крепко связаны. Черт!

Охранники пытались сопротивляться, но после действия шарика это было уже не так-то просто. Один за одним они получали удары иглами в шейную вену и укладывались штабелями. Амира увидела, как один из ее бойцов надел Эстебану респиратор и поднял на руки, явно собираясь вынести за пределы базы.

Слава Богу! Она с облегчением вздохнула. И в этот момент все вокруг погрузилось в липкий черный мрак.

– Где я? – она резко поднялась в кровати. Все вокруг плыло.

– Мы в «Национале», дорогая, – Кажич выглядел довольным, – от переутомления ты потеряла сознание, и я не нашел ничего лучше, чем привезти тебя сюда.

– Но как же мы могли покинуть офис?

– Посуди сама, ты трое суток не спала и не ела. Чего еще ты ожидала? Скажи спасибо, что мне еще комнату забронировали; когда я внес тебя сюда на руках, мне стоило немалых актерских способностей, чтобы доказать, что я несу сюда смертельно пьяную жену, а не выловленный в багажнике труп! И еще нужно было сделать так, чтобы тебя не узнали. Ну и задала ты мне работенку!

– Кажич, ты не понял! Спецоперация. Я не смогла ее завершить. Сколько сейчас времени? Где мой телефон?

И вдруг ее словно током ударило.

– Мы оставили мой ноутбук! И оооо, мы забыли изъять плату! Что же теперь будет?

За окном было темно, это значит, что она проспала целый день. Она встала и нервно схватила телефон. Странно, что за все это время на телефоне не было ни одного входящего звонка. Даже СМС никто не удосужился прислать.

Она быстро набрала номер командира подразделения, но телефон почему-то не отвечал. Не зная, что и думать, Амира подошла к своему сравнительно небольшому чемодану с вещами и достала оттуда черную водолазку и черные брюки. Надев все это, она набрала номер Тихомирова.

– Мне нужно кое-что сообщить вам. Нет, не по телефону. Сообщите мне ваш адрес, я к вам сейчас приеду.

Она стояла спиной к двери, обжигая взглядом красный кирпич Кремлевской стены вдалеке. Внутри у нее все медленно сжималось. Чугунный пресс давил ее сердце, превращая в кровавое месиво.

Ее била дрожь. Каким-то шестым чувством она уже знала, что скажет ей не захотевший телефонного общения гость. Он, в принципе, мог бы даже и не приходить.

Кровь медленно, но верно, уходила с ее лица, оставляя вместо него посмертную гипсовую маску с двумя черными колодцами посередине.

В дверь постучали.

Амира, словно в заевшей кинолентке, медленно поворачивалась к входящему. Колодцы засасывали в эпицентр адского смерча все вокруг. Ее вопросительный взгляд, обшарив воронку, скользнул выше и вонзился вошедшему прямо в переносицу.

Казалось, сегодняшним перевоплощениям не будет предела. Из полуголодного, заспанного хакера она вновь превратилась в высокомерную принцессу, повелительницу арктических льдов, обдававших адским холодом все вокруг.

– Вы можете говорить.

– Госпожа де Оливера... Не знаю даже, как и начать. Ваш сын... ваш сын... Эстебан Оливера... ваш сын был убит выстрелом в спину... мгновенная смерть... пуля попала в сердце... вчера вечером... – промямлил он, – этот конверт был подброшен сегодня утром к нам в офис. Он на ваше имя.

3

В Кастании этот день был объявлен днем национального траура. Государственные флаги были приспущены, в Соборе Святого Доминика, где еще три недели назад короновали будущего наследника престола, украшенный белыми цветами, стоял гроб.

Почти вся страна пришла попрощаться с юным королем, которого они почти не знали, но которого уже успели полюбить за его юношескую непосредственность и теплую, добрую улыбку, которой он неизменно одаривал каждого, с кем встречался на своем пути.

По толпе время от времени пробегал высоковольтный гул. Со стороны королевской семьи на прощании присутствовали лишь дальние родственники. Отец короля, его высочество Анхель Оливера, погиб при невыясненных обстоятельствах еще почти двадцать лет назад, в смутное время девяностых, когда мир сотрясали конфликты, гражданские войны и развалы целых империй. Дед, правящий монарх Массимо Оливера, скоропостижно скончался от инфаркта полгода назад.

Со стороны семьи Бертран-Лефевр присутствовала бабушка монарха, няня короля и новый супруг его матери, Драган Кажич. Присутствовали также члены правительств и дипломаты целого ряда дружественных Кастании стран, представители духовенства, многочисленные представители телевидения с камерами, да и просто обычные горожане, которые проехали длинный путь для того, чтобы проводить в последний путь короля, жизнь которого оборвалась, так практически и не начавшись.

По толпе время от времени пробегал шепоток. На похоронах не присутствовала мать монарха, Амира де Оливера! О ней вообще ничего не было слышно с тех самых пор, как известие о скоропостижной гибели короля потрясло страну.

Шепоток поделился на два враждующих между собой лагеря. Одни не могли скрыть своего возмущения. Какая неслыханная наглость! Да что позволяет себе эта выскочка! Как она посмела не явиться на похороны собственного сына! Как может она опозорить честь страны и корону своим демонстративным, пренебрежительным, вопиющим отсутствием!

Другая половина лагеря лишь сочувственно вздыхала. Вряд ли они могли осуждать женщину, у которой Господь отобрал то, чего толком никогда и не давал. Это по большей части были люди старшего поколения, которые еще помнили историю этой семьи, помнили пышную свадьбу наследного принца с чужеземкой арабских кровей, которую принц повстречал во время поездки в Египет. Люди помнили, какой радостью, надеждой и любовью были наполнены их лица, и как быстро потом все это сошло на нет по воле какого-то сумасшедшего, приказавшего расстрелять оркестр в котловане не слишком знакомой им страны на Балканах.

Они помнили, как ее высочеству пришлось покинуть страну, и как долго она жила под вымышленным именем, скрываясь от мира и своего палача. И как Инфант первые шесть лет своей жизни прожил во Франции, воспитанный бабушкой и няней, которые теперь стояли, убитые горем, у красиво украшенного гроба.

Как можно осуждать женщину, на долю которой в ее жизни выпало все, кроме самой жизни?

Люди горько вздыхали. Словно бы какое-то неведомое проклятие плотным туманом опустилось на эту семью. То отец умер молодым, а теперь вот и сын. Перед Богом, болезнью и пулей все равны: и монарх, и монах. Так думали люди из другой враждующей половины.

Тем временем королевская гвардия вынесла гроб и водрузила его на катафалк, который по традиции страны проедет по городу, прежде чем тело молодого короля обретет вечный покой от мук земных в Базилике Сан-Родриго, где в фамильной усыпальнице покоился Массимо Оливера и другие члены королевской фамилии.

Траурный кортеж держал путь в Базилику. Гроб с телом короля был закрыт и накрыт государственным флагом Кастании. Люди в толпе плакали.

И вдруг катафалк остановился. По толпе вновь пробежал злое шепоток.

Посередине дороги нарисовалась фигура, с головы до пят укутанная в черное кружево. Лицо фигуры скрывала черная вуаль. С минуту она стояла, гипнотизируя взглядом процессию, потом подошла к катафалку и откинула вуаль. Приложив два пальца к губам, фигура дотронулась ими до лакированного гроба, а затем, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошла прочь от толпы. Ветер внезапно сорвал ткань с головы женщины, обнажив непослушную копну из белых кудрей.

Москва. Примерно год спустя.

В уютной квартирке в центре, с окнами, выходящими на Красную площадь, прямо на полу из начищенного до блеска паркета, сидела, прислонившись к стене, фигура, облаченная в черные брюки и простую черную футболку с высокой горловиной.

Фигура молча смотрела в окна. Взгляд ее был абсолютно пустым, как будто бы группа разбойников, пробравшись в недра ее души, разграбила все ее тайники, унеся из потайных уголков все ценное, оставив лишь голые плиты и наскальные фрески.

В руке у женщины красовалась самокрутка. Она неспешно затягивалась ей, глубоко вдыхая сероватый дым с характерным запахом и медленно выдавливая его из легких. Огонек тлел меж тонких пальцев.

Она вспоминала недавно прошедший суд. Как быстро, оказывается, можно все обстряпать, если ответчик не оказывает сопротивления.

Как быстро можно добить лежащего на земле, сломленного человека со скрюченной судьбой, по жизни которого не зарастала тропа лишь из горьких воспоминаний того, что когда-то называлось счастьем.

Теперь она снова свободна. Свободна не только от Кажича, столь варварски предавшего ее в самую тяжелую минуту, но и от своей маленькой дочки, которую она назвала Салимой, в честь несчастной матери Люка.

Законы всех стран, времен и народов стараются в первую очередь соблюдать интересы ребенка. Только кто же мог знать, что в казенных глазах ребенку окажется лучше с отцом, вновь начавшим мотаться по миру с концертами, чем с матерью-наркоманкой, страдающей хроническом пост-травматическим синдромом, как выразился ее муж, если можно его так было назвать.

Хотя, может быть, он и прав. Что она может сейчас предложить своему ребенку, если вечера она коротает в компании самокрутки, сидя на полу и рефлексирова о том, как могла бы пройти жизнь, если бы ни...

Глаза ее были выплаканы до дыр, душа стерта в порошок, а в раздавленном сердце больше нет места для любви. И никогда больше не будет.

Так пусть же ее дочка, ее милая Салима, которую она с таким нетерпением ждала, пусть хоть она будет счастлива. Возможно, она большую часть времени будет проводить с няней. А может быть, Кажич будет таскать ее за собой по миру, где, как известно, все аэропорты и концертные площадки похожи, словно братья-близнецы.

Кто знает, может быть этому хрупкому созданию перейдут ее гены, и она тоже будет играть на фортепиано когда-нибудь.

Конечно, это было всего лишь решение суда местной инстанции, и если поднапрячься, можно подать апелляцию в вышестоящий суд, да хоть до верховного суда можно пойти, были бы силы.

Только вот сил-то как раз у нее оставалось ровно на то, чтобы просиживать вечерами на полу, а рука не могла поднять ничего, тяжелее сигареты.

Кажется, в Патонге такие состояния называли депрессией, но только какая теперь разница.

Она медленно затянулась опять. Перед глазами вновь, словно кучевые облака, поплыли воспоминания. Вот она стоит в концертном зале.

«Может быть, вам остаться сегодня? А то вдруг наш красавец решит появиться на свет прямо посреди концерта?» – ничто не заставит ее забыть эту фразу.

Вот комочек радости по имени Эстебан прижат к ее груди. Она сжимает его маленькое тельце и, слегка прикрыв ресницы, снова и снова радуется его приходу в этот мир.

Амира вдруг вспомнила, какое чувство всеобъемлющего счастья ее охватило, когда она обнимала его, будущего короля, одетого в мягкий фланелевый комбинезончик. Она вновь увидела, как он сунул палец в рот и с каким любопытством обозревал все вокруг своими детскими глазенками.

Вот она стоит за можжевельником. Через секунду няня упадет, проиграв сражение со снотворным, а Амира выйдет один на один с сыном, который ее так и не узнает тогда.

Перед глазами один за одним мелькали кадры.

Вот они летят в Боснию, и она гадает, не слишком ли рано собралась посвятить ребенка в свои секреты. И как он сжал своей ручонкой ее руку тогда. Когда они слышали Вторую Симфонию, ту самую, под которую он чуть не родился.

Она вспоминала, каким мудрым мальчуганом он был, и как ставил ее в тупик своими вопросами. А потом, когда немного подрос, с какой ловкостью общался с любым человеком. И как она тогда подумала, что из него вышел бы неплохой дипломат. Или политик.

Потом она вдруг увидела, как его похитил какой-то псих незадолго до смерти Люка.

А затем клубящийся вихрь памяти перенес ее на церемонию коронации. Тяжелый меч медленно опустился на плечо сына, которого она вот только вчера прижимала к себе, такого кроху. Услышала, как он произносил клятвы верности короне и своей стране.

И, наконец, в ее голове всплывшим утопленником всплыла мерзкая запись, на которой было показано, как из какого-то автомобиля на полном ходу в сточную канаву выбросили его бездыханное тело.

Да, изверги не посмели обезглавить короля, как они всегда поступали в подобных случаях со всеми остальными людьми. Но тело Эстебана получило слишком много повреждений во время падения из автомобиля, поэтому-то и хоронили его в закрытом гробу.

Амира не заметила, как самокрутка выпала из ее руки и потухла, а сама она, зажав голову между коленями и вцепившись пальцами в собственные волосы, выла белугой, рыдая во весь голос, не видя и не слыша ничего вокруг.

Вдруг она встрепенулась. Сегодня же особенный день. День ее рождения. Она не справляла этот день уже чертову дюжину лет, умноженную еще на такую же дюжину.

Она подошла к небольшому черному роялю, одиноко примостившемуся в углу комнаты. Присев на банкетку, она открыла крышку и равнодушно поглядела на клавиатуру. Как же давно она не подходила к инструменту. Интересно, получится ли сыграть сейчас что-нибудь технически сложнее собачьего вальса.

Достав новую самокрутку, она зажгла ее и, держа в зубах, стала лениво блуждать по клавишам. Положив дымящийся окурок в пепельницу, она заиграла Вторую Сонату Шопена, постепенно складывая ноты в аккорды, отрывистыми стаккато уносившими ее в мир фортиссимо, через скерцо бросив прямо в похоронный марш.

Она играла эмоционально, надрывно, руки тяжело опускались на клавиши. Волосы ее разметались по лицу, словно в тифозной лихорадке, в свете уличного фонаря зловеще поблескивали на левой руке черные татуировки, которых у нее к этому времени было уже две.

Из-под пальцев словно бы выскакивали маленькие демоны, черными нитями ткавшие узоры на черном ковре ее души.

Закончив играть, она цинично подумала, что соната пришлась сегодня весьма кстати.

И раз уж Бог умудрился не только выпустить ее на свет белый в эту самую чертову дюжину, но еще и столько развлечений ей уготовил, сегодня она этот бесподобный день отпразднует, – так размышляла Амира, в то время, как новый красный огонек подбирался все ближе к основаниям пальцев.

И вот, в десять вечера в ее квартире собрались все помои общества, которые она только смогла собрать за столь непродолжительное время.

В квартире ревела музыка, звенели бокалы, гремели бутылки, пьяно ржали какие-то девки, а дым от самокруток был уже таким сизовато-серым и плотным, что если бы кто-то догадался повесить в воздухе топор, то топор бы, наверное, не упал.

Те гости, у которых не хватало терпения добраться домой, предавались прелюбодеянию в немногочисленных спальнях этой милой квартиры. А те, у кого не хватало времени добраться до спален, пользовались укромными уголками за шторами и просто теми, куда удалось попасть.

Амира наблюдала за всем этим борделем сквозь мутноватую пелену, подернувшую ее некогда прекрасные глаза из черного бархата.

Вдруг один из гостей, подошедший к полке с виниловыми пластинками, наобум вытащил одну.

– Слышь, это еще кто? – туманно пробормотал он, – пацаны, гляньте-ка, какие раритеты тут собраны! Шостакович. Что творит дурь с людьми, а?

Парень противно и громко заржал, видимо, наслаждаясь эффектом от собственного остроумия.

– А че? Мож вальсик станцуем? – он поставил пластинку в проигрыватель, – представим, что мы все тут знатные господа, да к тому же, богатые.

– Позвольте представиться, князь Игорь к вашим услугам! – парень явно наслаждался моментом, – не угодно ли вальсик-с? А может быть, пройдем сразу в коечку? По-княжески, так сказать? Но хотя бы скажите для начала, как вас зовут, прекрасная незнакомка?

– Если ваши голосовые связки не порвутся произносить это, то для вас я Амира бинт Сархан бен Хосни ибн Аль-Галиб. А если же для вас это будет задачей по-княжески непосильной, вы можете называть меня просто госпожа де Оливера. И кстати, Дмитрий Шостакович был советским композитором, в наше прогрессивное время это должно быть известно даже таким дебилам, как вы.

Она смотрела на парня в упор. Пелена с ее глаз упала наземь и рассыпалась в прах. Ее глаза, словно две ночных галактики, засасывали все вокруг в черную дыру.

Она словно бы очнулась от глубокого сна. Когда же она умудрилась так низко пасть, что какая-то вокзальная гопота, этот рабоче-крестьянский сброд предлагает ей пройти в коечку?

А самое главное, как она умудрилась забыть о том, кто она такая? О том, что многие самые сильные и влиятельные люди этого мира с ней и ее семьей – на ты?

Ее рука непроизвольно сжалась в кулак. Она инстинктивно отошла к окну, чтобы, чего доброго, не вмазать юнцу промеж глаз и не ухудшить свое и без того совсем не радостное положение.

Любой скандал, даже тот, который можно разглядеть лишь под тысячекратным увеличением микроскопа, сейчас будет против нее, отбирая и без того жалкие шансы вернуть хоть когда-нибудь свою дочь.

Все в тот момент забыли про Шостаковича, но вот он-то про них не забыл, на счет раз-два-три набирая известный темп. Влюбленные начали внезапно показывать полуголые телесные конструкции из-за оконных штор.

Амире внезапно пришла в голову мысль покинуть этот балаган. Она прошла в спальню, достала из сейфа документы, ключи и карточки, а из небольшого шкафчика – чемоданчик с

вещами. Напоследок решив зайти в комнату зачем-то, она развернулась к выходу, да так и застыла на месте.

В дверном проеме стояла высокая фигура, полностью замотанная в черный балахон. «По всей видимости, мужчина», – решила хозяйка квартиры.

Лица фигуры не было видно. На голове у нее красовался длинный капюшон, под которым виднелась маска с черными прорезями.

Амире стало не по себе. Что, если это один из головорезов, убивший ее сына? И теперь он пришел, чтобы прикончить и ее?

Тем временем фигура медленно подошла к проигрывателю и остановила пластинку, а затем наугад выудила с полки другую. Ей оказался сборник вальсов советской эпохи, видимо доставшийся квартире в наследство от прежних хозяев.

Гость вставил пластинку в проигрыватель, игла мягко коснулась виниловой поверхности, и из колонок с еле уловимым характерным поскрипыванием вновь полилась музыка. На этот раз вниманию присутствующих предстал вальс Хачатуряна.

Пришелец молча подошел к Амире и протянул руку, затянутую в черную перчатку.

Амира не знала, как реагировать на все это. Видимо, она просто докурилась до ручки, раз ей мерещатся высокие фигуры в черных балахонах. Однако незнакомец не уходил, а его рука все так же мозолила пространство перед ней.

Не зная, что делать, Амира вложила свою руку в его, и они закружились в танце. Со стороны это, наверное, выглядело комично, однако Амира не могла взять в толк, откуда это инопланетное создание так хорошо знает движения, а самое главное, попадает в ритм? Этот вальс был довольно-таки быстрым, и кто попало его не станцует. Одни сплошные загадки.

Незнакомец невозмутимо и уверенно вел, а когда вальс закончился, выпустил ее руку и подошел к кому-то из гостей, которому жестом приказал пройти на выход. И как ни странно, гости повиновались его молчаливой просьбе. Наверное, тоже подумали, что допились и докурились до ручки.

Мало-помалу все разошлись. Амира и таинственный незнакомец остались одни. Она смотрела на него, ожидая, что он, все же, обозначит, зачем пришел, и что ему было здесь нужно.

Он же просто стоял и смотрел на нее в упор минуты две-три, словно удав, гипнотизировавший глазами свою добычу. После чего он так же таинственно, не проронив ни слова, развернулся и вышел. Слышен был лишь глухой отзвук его кожаных ботинок, эхом раздававшийся по паркету. Черный балдахин развевался под скоростью шагов, и взору Амиры предстали длинные, стройные ноги в наутюженных черных брюках.

Еще через секунду незванный гость исчез. О том, что кто-то здесь был, помнила лишь створка деревянной двери гостиной, наотмашь хлопнувшая вслед.

Немая сцена продлилась еще пару минут. После чего Амира внезапно, резким прыжком подскочила к столу, на котором в хаотическом беспорядке стояли стаканы, бутылки, пепельницы с окурками, и яростно стала сбрасывать все это на пол.

Через два дня шасси пассажирского лайнера мягко коснулось взлетно-посадочной полосы международного аэропорта Патонга.

Встречавшие в зале прилета не обратили внимания на невысокую женскую фигуру, облаченную в простую белую футболку и черные военные брюки. За плечами ее болтался полупустой брезентовый рюкзак, который и составлял весь ее багаж.

Женщина вышла из здания аэропорта, села в машину такси, которая повезла ее на север, где пики гор загадочно улыбались смотрящим на них путешественникам. Добравшись до воинской части, она отпустила машину и твердой рукой нажала кнопку звонка.

4

– Зачем ты здесь? – Сиддхартх был совершенно не рад ее видеть.

– Мне нужна ваша помощь, полковник.

– Да как ты смеешь просить помощи после всего, что натворила?!

– Виновата, сэр. Но боюсь, у меня не было другого выхода. И если бы та ситуация повторилась вновь, я бы сделала то же самое, ни секунды не колеблясь.

– Тогда какого черта ты забыла здесь? – Сиддхартх терял самообладание. – Ты и представить себе не можешь, чего нам стоило замять этот конфликт.

Поразмыслив еще немного, он продолжил:

– Не думаю, что здесь нужно что-либо объяснять. Вообще, ты зря сюда приехала. Пока ты вне Патонга, ты в безопасности. Здесь тебе придется предстать перед судом, и чем все закончится, неизвестно.

– Я и в этом отдаю себе отчет.

– Нет, не отдаешь. Знаешь, кто судья сейчас? Имя Бхуми Бохара тебе хоть о чем-нибудь говорит?

– К сожалению, скорее да, чем нет.

– Значит, ты в курсе, что это за чудовище, и сколько приговоров он вынес. И каких. Амира... столько лет уж прошло, а я никак не привыкну, что тебя зовут так. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Но подумай, кому будет лучше от того, что Бохара отправит тебя за решетку лет на двадцать-тридцать? А то и вовсе на пожизненное? Ты хоть представляешь, ЧТО ты наделала?

Амира молчала.

– Ты взломала систему спутникового наблюдения, принадлежащую другой стране. Ты самовольно провела спецоперацию, рискуя жизнями наших военных. Ты незаконно использовала ресурсы нашего подразделения. И наконец, твои действия привели к гибели людей! Да ты хоть понимаешь, что если Бохара до тебя доберется, он отыграется на тебе на полную катушку!

– Полковник Соти... я понимаю и принимаю все, что вы сейчас говорите. Но в этой спецоперации погиб мой горячо любимый сын. Вы знаете, что я сделала все правильно. И что моей вины в том, что он погиб, нет. Нет ошибки, которая привела к гибели. А значит, я должна найти того, кто подставил меня и убил моего ребенка. Более того, я не собираюсь ни от кого скрываться. В худшем случае мне может быть инкриминировано то, что я взяла на себя право командовать спецоперацией, не имея на то достаточных полномочий. Я нарушила Устав. И я готова за это понести наказание. Но не более того.

– Бохара не будет разбираться, помяни на слове. Допустим, я поверю тебе. Даже несмотря на то, что прошло много времени с твоей активной службы, таких грубых ошибок ты допустить не могла. И именно поэтому, помня твои заслуги перед нашей страной, я и предлагаю тебе протекцию, чтобы ты могла покинуть Патонг прямо сейчас. Пока это еще в моих силах. Потом будет слишком поздно.

– Вы сказали, что погибли люди?

– Да. Кроме твоего сына погиб еще и майор Пармананд Тагор.

В воздухе повисла пауза. Первой тишину нарушила Амира.

– Я никуда не поеду. Я должна найти убийц Эстебана.

– Ну как знаешь. Протекцию мы тебе предоставить не сможем. И мне почему-то кажется, что убийц сына тебе находить не нужно, если не хочешь сломать себе жизнь. На мой скромный взгляд.

– Это вряд ли. Нельзя сломать то, что уже сломано. Но хотя бы назад в армию я смогу вернуться?

– Ты в своем уме?! Тебе сколько лет? Зачем нам старая сорокапятилетняя тетка? Ты на себя в зеркало давно вообще смотрела? Да у тебя лишнего веса килограмм пятнадцать будет, наверное! Назови мне хоть одну причину!

– Сэр, я никогда вас ни о чем не просила. Но сейчас обстоятельства сложились так, что мне очень нужна ваша помощь. И, возможно, учитывая мои прежние заслуги перед страной, вы пойдете мне навстречу.

– И что ты собираешься здесь делать?

– Все, что скажете.

Сиддхардх нахмурился. Через несколько секунд он ответил:

– Хорошо. Но все не так просто. Мы сейчас с тобой подведем кое-куда. И если тебе удастся остаться в живых, я тебя оставлю. Договорились?

Амира кивнула.

Открытый джип привез их к приземистому зданию, на котором было написано: «Боксерский клуб «Тикча».

Она грустно улыбнулась сама себе, вдруг вспомнив, как почти двадцать лет назад ее вывели против какого-то бугая, который выломал ей почти все ребра.

Как она почти сдалась тогда. Но вдруг в самый последний момент к ней подскочил Говинда, тот худощавый непримечательный мужичонка, и стал зловещим шепотом рисовать ее мозгу картину того, как глумится палач, вспоминая, как всаживал пули в людей из их оркестра.

Перед глазами яркой вспышкой появлялись образы, образы несчастных людей, обреченно сцепивших руки за головой, стоявших, широко расставив ноги. Вокруг валялось то, что еще совсем недавно подчинялось божественным звукам величественных симфоний, то, чему было уготовано замолкнуть навсегда.

Она закусила губу. И если этот идиот Сиддхардх думает, что она сдастся на этот раз, то зря он надеется.

Она вышла на ринг и увидела молоденькую и худощавую, хотя при этом мускулистую девчонку.

Девчонка была очень красивой, на голове ее красовались шелковистые черные волосы длиной до подбородка, глаза были черными, как и у Амиры, их восточный разрез выдавал арабскую кровь.

– Я не буду драться с... с... этой! – негодуяюще взвизгнула Амира. – Что, теперь в войсках Патонга служат одни малолетки?

– Как вас зовут? – непроизвольно вырвалось следом.

– Как тебе больше нравится. Можно даже Луис-Альберто, если хочешь, но какая тебе разница? – Холодно процедила хозяйка ринга.

– Начинаем. К центру. Оливера, перчатки, шлем и капу. Быстро!

– Но зачем? – удивилась Амира.

– Сейчас сама все поймешь.

Вскоре Сиддхардх взмахнул руками, показывая, что бой можно начинать.

Амира сложила руки перед собой и ринулась в атаку. Нельзя позволить, чтобы эта выскочка Луис-Мольберто опередила ее.

Не успела она это подумать, как в голову ей полетел сокрушительный удар, по силе напоминавший удар молота. «Ничего себе!» – пролетела мысль в голове Амиры.

Буквально тут же голень соперницы мощно ударила ее в левый бок, на долю секунды лишив способности дышать. Эта девчонка была быстра, словно молния. И когда Амира наконец решила применить свой коронный удар головой и разmozжить эту наглую самодовольную рожу, черноволосая девчонка нацелилась ей в лицо вновь.

«Ну уж нет! – Амира злилась, – теперь это тебе так просто не удастся».

Она отклонилась, надеясь, что когда черная бестия по инерции полетит в ее сторону, она нанесет ей тот самый удар.

Что произошло дальше, она так до конца и не поняла. Кажется, девчонка обманула ее раньше. Резко изменив траекторию движения, она изогнулась, словно кобра, и ребром стопы ударила Амиру в правую берцовую кость, словно бы знала откуда-то, что подобный удар опасен для титановых креплений еще больше, чем ее кулак, застрявший меж челюстей.

Амира крикнула и осела на землю. Следом она получила еще один сокрушительный удар в голову, на этот раз нанесенный ногой, и упала, потеряв сознание.

– Вот видишь, что я тебе говорил, – она увидела Сиддхартха, склонившегося над ней и махавшего перед носом мешочком с какой-то травой, – нечего тебе здесь делать. Ты и раньше-то не была особо хороша, а теперь и подавно.

Амира слушала, кусая губы и глядя на него исподлобья. Полковник продолжил.

– И к тому же, даже если предположить, что ты, ты, возрастная толстая тетка с самокруткой в зубах, годишься для воинской службы, ты должна понимать, что службы в стрелковом полку и элитных контртеррористических операций тебе не видать, как своих ушей. Ты находишься в розыске и максимум, что я мог бы тебе предложить, это служба в отрядах смертников.

– А что, у нас и такие отряды есть?

– Ты ведь просыпалась из своего дурмана хоть иногда, да? Знаешь, что в мире происходит? О войне на родине твоего отца слышала, я надеюсь?

– Сэр, я, конечно, немного отстала от жизни, но не такая же дура, чтобы не знать об этом.

– Так вот, отряды смертников как раз и участвуют там в разных спецоперациях с нашей стороны, начиная от сбрасывания бомб и заканчивая разминированием дорог. Короче, делают всю грязную работу. Вот в такие войска только и можно тебя взять, потому что наши солдаты в таких точках и года не живут. Уж не знаю, сделало бы это тебе погоду или нет. Но ты ведь даже и для грязной работы не годишься. Твоя подготовка не соответствует даже тому, чтобы сортиры за солдатами выносить. Лицензии на полеты ты лишилась, а женской формы размером с бронетранспортер у нас как-то не нашлось. Так что ступай-ка ты, дева, по добру по здорову, пока еще можешь. Ведь не ровен час, увидит тебя здесь кто и арестует. А из лап Бохара мне тебя не вытащить.

– Сэр, вы можете одолжить мне свою кепку?

– Чтооо? – промычал Сиддхартх, явно не понимая, что происходит.

– И эти очки. Спасибо. Вы прекрасно знаете, что я не из тех, кто сдается и отступает. Я не буду прятаться от полиции и уж тем более, какого-то там Бхуми Бохара! Я не нагадивший в тапки шелудивый кот и не собираюсь прятаться всю жизнь. Я собираюсь не только найти убийцу моего сына, но и отмыть свое имя от помоев, которые на него вылили. И я пойду на все, чтобы добиться своего, вы знаете. Даже если мне придется для этого сотрудничать с Пратхангом!

Ее глаза сверкали, как два уголька.

– Девочка моя, научилась бы ты сначала собой владеть. Ты как гимназистка-истеричка ведешь себя. Ну вдруг тебе будет интересно это знать! Изабель, проводи нашу гостью до ворот.

На лицо Амиры набежала тень. Какое странное имя! Оно совершенно не вязалось с внешностью ее обладательницы. Интересно, откуда она? С таким именем она могла быть откуда угодно.

Выйдя за территорию гарнизона, Амира увидела перед собой безбрежные пустынные пейзажи горных районов с красивыми красно-коричневыми холмами, танцующими брачные танцы с океаном на юге, и серыми великанами-семитысячниками, пронзающими небо заснеженными вершинами с противоположной стороны. Ветер почти стих, и тишина стояла такая, что Амира, казалось, могла услышать взволнованное биение собственного сердца.

Постояв с минуту, она подумала, что хорошо бы запомнить каждое мгновение. Ведь, по сути, никто не знает, какое из них может стать последним.

5

Патонг, Юго-Восточная Азия.

Центральная площадь одноименной столицы гудела, словно улей, оповещая о начале туристического сезона. Люди с восхищением осматривали старинные буддистские храмы, исторические здания и другие достопримечательности, достойные внимания искушенных путников².

Посередине площади, так же, как и около двадцати лет назад, стояла женщина. Ее белые волосы непослушными завитушками развевались по ветру.

Она не знала, куда ей податься. Конечно же, ей и в голову не пришло бы сдаться Пратхангу. Это был всего-навсего блеф, сотканный из грубой мешковины и прошитый суровыми белыми нитками. Блеф, на который она надеялась, и который предал ее, как и все остальные.

Она тихо качалась на волнах своих размышлений, одна грустнее другой, как вдруг сзади к ней подошли двое мужчин. Один, уперев дуло автомата ей в поясницу, негромко сказал:

– Пройдемте с нами, госпожа де Оливера. И пожалуйста, без глупостей.

Амира провела в полицейском участке уже без малого трое суток. Прав был Сиддхартх, долго ждать они себя не заставили. Военная машина Патонга обладает огромной мощью, когда играет на твоей стороне. И ровно такой же разрушительной силой, когда ты становишься ее врагом.

Через неделю здание окружного военного суда в столице было оцеплено целым взводом до зубов вооруженных людей. Огромная толпа зевак собралась на футбольном поле неподалеку, ожидая развязки.

И вот развязка в виде наглухо затонированного черного «Мерседеса» появилась на горизонте.

– Вы уверены, что не хотите пройти через служебный вход? – спросил ее адвокат. – Судя по всему, люди настроены весьма враждебно. Неизвестно, чем все может закончиться.

– Мне нечего скрывать и не от кого скрываться. Я не собираюсь прятать лицо, словно бы и вправду совершила преступление. В этой истории еще очень много слепых зон, которые мне предстоит открыть. И начнем мы прямо сегодня!

– Что же, воля ваша. Но не говорите, что я вас не предупреждал, ваше высочество.

Она улыбнулась. И все же мир не без добрых людей. В тот момент, когда она под конвоем ехала в здание суда, она, похоже, вновь стала высочеством. По крайней мере, для некоторых.

Автомобиль остановился, вызвав замирение гула в толпе. Дверь черного «Мерседеса» медленно открылась, и из него вышла женщина, облаченная в черный костюм. На ее лице красовались черные солнцезащитные очки.

Казалось, что она просто приехала на морскую прогулку. Но раньше, чем она успела поверить в это, свежий южный бриз превратился в колючий песчаный ветер пустыни, а тропинка к морю – в изрытую ямами тропу на Голгофу. По команде ее повели в здание суда, словно бы медведя на арену цирка.

Она была благодарна за то, что вели ее не в кандалах и наручниках, как беглого каторжника с каменоломни, но, украдкой бросив взгляд на крыши соседних зданий, она поняла, какова была цена такой лояльности.

Она была слишком высока, чтобы хотя бы одна извилина ее мозга могла подговорить другую на побег.

² Цитата из 1 части трилогии.

Проходя мимо толпы, окруженная вооруженными до зубов людьми, она буквально кожей почувствовала, что напряжение достигло взрывоопасного предела.

Фотовспышки камер мелькали, словно зеркальный дождь, микрофоны телевизионщиков пытались прорваться из-за кордона и влезть в ее личное пространство, минуя конвой. Казалось бы, еще минута, и толпа прорвет ограждение и затопчет ее, как орды туристов на экскурсии топчут одиноко завалившийся окуроч на площади Патонг.

– Убийца! – кричали ей из толпы, – Покажи нам свое лицо, убийца собственного сына! Как ты себя чувствуешь? Хорошо ли тебе спится по ночам? Что чувствует мать, убившая своего сына? Мы требуем смертной казни! – ревела толпа.

Амира понимала, что сейчас самое главное – убедить себя, что всех этих воплей она не слышит. Мало кто из этой убогой толпы понимал, что на самом деле чувствуешь, когда погибает твой сын. Но еще меньше людей отдавали себе отчет в том, каково это, когда ты действительно винишь себя в его смерти. Хотя и знаешь, что все сделала правильно, и что другого выхода не было. Все равно ты не можешь толком спать по ночам.

У тебя ломит кости от давних переломов, но переломы твоей души не заживут никогда. Ты все время спрашиваешь себя, что бы было, если тогда, в Кастании, ты бы поехала в аэропорт чуть быстрее, или самолет бы летел чуть быстрее, или код к спутнику ты бы разгадала не как тупая корова с третьей попытки, а чуть быстрее, если бы ты не как поваленная лошадь упала в обморок, забыв плату в компьютере, а сделала все, как положено... в этом случае остался бы Эстебан в живых?

Ее мучили вопросы, на которые не было ответов. И никогда, судя по всему, уже не будет. Этим людям, дерущим глотку на футбольном поле перед зданием суда, ничего этого не понять. Но самое главное сейчас для нее – не выйти из себя, сохранить самообладание, не показать, как ей больно.

Она сцепила зубы и закусила щеку изнутри. Держись! Ну, держись же! По лицу предательски потекли слезы.

«Тряпка! Господи, ну какая же ты тряпка, Амира!» – мысленно говорила она себе.

В этот момент из толпы в нее полетел помидор. За ним еще один. Люди, казалось бы, совсем обезумели. В мгновение ока в нее полетел дождь из помидоров, но не успели военные как-то отреагировать, помидоры превратились в камни, вот прямо как ее жизнь, в которой постель из роз словно по воле злого рока стала полигоном из отходов битого стекла.

– Внимание! Напор! – услышала Амира где-то рядом.

Она заметила, что по руке течет кровь. Кажется, камень попал ей в плечо. Или это был помидор?

В этот момент военный кордон, охранявший коридор, по которому вели ее, главную преступницу XXI века, наставил на толпу водометы. Щелк! Водометы включились, обращая металей камней и помидоров в охваченную паникой горстку тараканов. Далее события стали развиваться со скоростью звука. Конвой просто схватил ее в охапку и словно мешок с мукой втащил в здание суда.

– Именем короля призываю всех встать! – голос Бхуми Бохара словно бы восстал из средневековья, – оглашается приговор подполковнику запаса, подсудимой Амуре де Оливера.

По залу холодными мурашками пробежал шепоток.

– За нарушение статьи 1577, статьи 2011 части третьей, статьи 1112, и статьи 3752 части второй Уголовного Кодекса королевства Патонг подполковник запаса Амира де Оливера приговаривается к казни посредством смертельной инъекции. Приговор вступает в силу в течение двух недель после вынесения и обжалованию не подлежит. До исполнения приговора осужденная де Оливера подлежит пребыванию в колонии строгого режима Бахкирутан.

Пока машина с вооруженными до зубов конвойными везла ее в Бахкирутан, Амира предавалась размышлениям. Что, если бы тогда, много лет назад, она послушалась мать и вместо консерватории стала играть в рок-группе, как ей всегда того и хотелось?

Возможно, мрачные пророчества леди в шелковом костюме об истоптанных о земной шар башмаках и пьяных оргиях сбылись бы, она никогда не стала бы той, кем стала, и их всех оставили бы покое? Родители бы ее прокляли, лишили капитала, и лучшей мести и придумать сложно.

Тогда Анхель остался бы жив, просто потому, что не встретил бы ее, и его антрацитовые глаза манили бы своим намагниченным взглядом кого-то еще. У них родился бы сын, другой, уже не Эстебан, а возможно, и два. И ни один бы не погиб. Королевская чета ездила бы с официальными визитами и широким размахом писала мировую историю.

А так получилось, что историю написал всего один человек, и это был ее сумасшедший брат Камаль, всем известный как просто Люк. И в итоге она все равно топтала башмаками мир, с той лишь разницей, что шнурованными. Она все равно вышла замуж за гитариста, и даже от пьяных оргий Бог ее не защитил.

Она привыкла к логическому ходу вещей и считала, что в столь радикальной перемене судьбы мог быть смысл лишь в том случае, если ей была уготована участь произвести на свет короля. И она была ей уготована. Только вот короля больше нет, и все жертвы оказались напрасными.

Двадцать лет и куча человеческих жизней псу под хвост. А теперь под этот же самый хвост покатила и ее жизнь.

Страшно ли ей было умирать? Скорее, нет. Ведь человеку, который уже умер однажды, не страшно уже ничего. Если веревочка, связывающая воздушный шарик с землей, обрывается, ему остается просто взлететь.

Жалела ли она, что фактически сама себя сдала в лапы своих палачей? Нисколько. Никому не было дано понять, что творилось в ее душе. И уж тем более никто не знал, что вдали от Патонга убийца сына все равно не найти. А так... если все, что говорят о внетелесной жизни, – правда, значит, они еще ей встретятся, и муж, и сын.

Пожалуй, здесь ее еще бы удержала маленькая Салима, но даже этот последний лучик надежды у нее отобрали. Что ей здесь делать? И чего бояться? Того, что десятки успешных спецопераций стоят дешевле одной неудачной?

Или того, что ценность человеческой жизни в Патонге – не выше ломаного гроша? Нет, ни о чем этом не стоило бы даже и думать. Жаль лишь того, что убийца ее сына будет загрязнять эфир своей отвратительной тушей, и ничего ему за это не будет.

И раз уж сейчас нужно о чем-то подумать, то тогда она подумает о том, почему в Уголовном Кодексе Патонга статей оказалось почти столько же, сколько и жителей этой прекрасной страны. Или, может быть, ей стоит подумать о том, почему на процессе, который, между прочим, был закрытым, и куда не удалось пробраться ни одной собаке из желтой прессы, присутствовал таинственный человек в черном балахоне?

Он стоял в темном углу, прислонившись к стене, почти сливаясь с ней, но глаз Амиры был все еще достаточно зорек и внимателен, чтобы увидеть его.

Черная тень всколыхнула в ней непонятные инстинкты. Был ли это тот же самый человек, который самозабвенно кружил ее в вальсе в Москве? Или это кто-то совсем другой? Как он пробрался в зал суда и, самое главное, зачем ему это было нужно? Был ли это убийца Эстебана, пришедший поглумиться над ее горем? Сложно было сказать. Не зная причины, по которой погиб ее сын, трудно было делать выводы о том, что нужно было этому странному типу.

6

Камера смертника, приютившая Амиру, была холодной и мрачной. С внешним миром связь держалась лишь через мутное зарешеченное окно крохотных размеров, находившееся высоко под потолком.

Стены были окрашены серой краской с подтеками, столь же гармонично вписывающейся в общий дизайн, как и незатейливые удобства, расположенные в той же камере. Вместо кровати на полу лежал полосатый матрац, еду, если ту вонючую баланду, которую ей приносили, можно было так назвать, ставили также на пол.

Время шло все медленнее и медленнее, залипая между пальцев, словно теплая жвачка. Секунды сливались в минуты, минуты подступали к часам, а часы, словно бы нехотя, срастались в дни. Сколько она уже просидела здесь? Неизвестно. Казалось, прошла целая вечность.

А смертельная инъекция все не появлялась, чтобы покончить со всем этим фарсом, коим оказалась ее бессмысленная жизнь, в которой старинный французский дом в пригороде Марселя словно бы по замыслу какого-то психа вдруг превратился в уродливую камеру смертника, а насыщенный букет Шато Петрюс – в жидкую баланду.

Она не понимала, почему этот балаган никак не закончат, и почему она до сих пор сидит здесь. Если это такой изощренный способ надавить ей на психику, то какой в этом смысл. Ей наплевать на все это в принципе. Жаль только Пармананда Тагора, сложившего свою голову ни за что, ни про что. А теперь, выходит, еще и зря.

Каждое мгновение было похоже одно на другое, и она уже потеряла отсчет времени, которое, казалось, просто застыло на месте, как вдруг надзирательница, приставленная к камере с другой стороны, принося ей очередной ужин, тихо подошла к ней, и, повернувшись спиной, молча показала в своей руке белый уголок. Записка!

Амира молнией метнулась к руке и почти вырвала из нее листок бумаги. Когда она опомнилась, надзирательница уже ушла.

Кому понадобилось передавать ей послание? И, главное, зачем? Какое значение имело то, что она сейчас здесь узнает? Она развернула листок.

К ее разочарованию, листок был пуст. Ее цепкое зрение ухватило микроскопические подтеки, это означало, что послание, все-таки, было, но написали его то ли молоком, как в какой-то другой тюрьме когда-то писал революционер Ленин, то ли лимонным соком, то ли еще чем. Она читала об этом в книгах по российской истории, когда из нее делали Елену Скворцову, все ради того, чтобы Эстебан мог жить с ними.

Да какая, в принципе, разница? Чтобы прочесть текст, нужно нагреть бумагу, подержать над свечой, под лампой или хотя бы прогладить утюгом!

А в ее камере электричества не было, свечи, наверное, использовал для романтических ужинов ее предшественник, а утюг ей просто не нужен, потому что бальных платьев ей больше не носить.

Отправитель, видимо, совсем идиот, раз не учел этих душещипательных моментов. Она попыталась согреть листок дыханием, но потом с досадой швырнула в угол камеры. Температура ее тела все еще 36,6 градусов, а она пока что не превратилась в дракона 28 уровня, чтобы, опалив своим дыханием листок, прочесть зашифрованное в нем послание.

Она вдруг захотела поесть. Приоткрыв алюминиевую крышку, она ожидала увидеть там очередную баланду, но в миске обнаружили макароны.

«Кажется, мы сегодня пируем. – усмехнулась Амира, – Наверное, сегодня какой-нибудь национальный праздник Патонга. Что же, праздник, так праздник». И она вонзила ложку в миску.

В этот момент она почувствовала, как ложка уперлась во что-то твердое. Отодвинув макароны, она увидела маленький резиновый карманный фонарик.

Лихорадочно подобрав бумагу с пола, Амира развернула листок, легла ничком на матрац, расстегнула рубу и навалилась телом на фонарик, чтобы свет не привлек кого-нибудь.

Она грела и грела листок, до тех пор, пока на нем не стал проступать текст. Текст было видно плохо, но она, все же, смогла прочесть его.

Прочитанное повергло ее в ступор. Может ли это быть правдой? Или это очередная ловушка? Хотя, чего ей бояться и какая разница, где погибать. Если кто-то пожелал ей помочь, организовав зачем-то ее побег, то почему бы и нет? Наверное, это все затеял Мистер Загадочная Тень, который с таким любопытством разглядывал ее в зале суда.

И зачем ему это было нужно? Уж не влюбился ли? Ему захотелось станцевать с ней вальс еще раз? Или это вообще не он? «Что же, заодно и узнаем», – подумала она.

Дочитав до конца, она быстро сунула бумагу в рот и проглотила, зажевав макарониной. Фонарик она положила на прежнее место и завалила остатками ужина.

Проснувшись на следующее утро, она начала думать, что ей сделать такого, чтобы вынудить надзирателя, а точнее, надзирательницу, избить ее. Самое неприятное то, что придется не только подавлять свою агрессию, не только терпеть удары палкой, но и подставлять лицо.

В письме было написано, что надзирательница будет знать, куда бить, и что бояться нечего. Палкой она получит лишь для остротки, только лишь из-за того, что всем известен уровень ее подготовки.

И хотя все надзиратели Бахкирутана проходили особую подготовку в войсках спецназа, им не сравниться с элитными подразделениями Сиддхардха. Дело не должно выглядеть шитым белыми нитками.

Амира оглядела стены. Да. Битье головой отменяется. Швыряние посуды тоже. В лучшем случае, попадешь в психушку. В письме не говорилось, что именно она должна сделать, чтобы спровоцировать нападение. Если Амира ее атакует, никто не гарантирует, что эта маленькая потасовка обойдется без пуль.

И вдруг ее осенило. Моцарт! Вот кто ей поможет. Она встала с матраца и, подойдя к внешней стороне камеры, раскинула руки в стороны, высоко подняла голову и запела 116 псалом³:

*Laudate Dominum omnes gentes,
Laudate eum, omnes populi,
Quoniam confirmata est,
Super nos misericordia eius,
Et veritas Domini manet in aeternum⁴...*

Насколько это ей удавалось сделать с нераспетым голосом. Она пела и пела, внутренне отмечая, что не делала этого уже лет сто, не меньше.

На шум тут же прибежала надзирательница.

– Немедленно уgomониться! – приказала она.

Но Амира уже знала, что именно она должна делать. И она продолжала. Войдя в раж, она даже и не замечала того, что происходит вокруг. Словно бы жизнь снова вернулась к ней, словно бы второе дыхание открылось. Словно бы...

³ Псалом 117 в масоретской нумерации.

⁴ Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена; Ибо велика милость Его к нам, и истина Господня [пресуществует] вовек

– Немедленно прекрати, ты грязная тварь! – ее тюремщица еле сдерживалась, – иначе я отхожу тебя дубинкой прямо сейчас и посажу в карцер, в темную комнату, без еды и воды на двое суток.

«Она новенькая, что ли? – промелькнуло в голове у Амиры, – или она так изощренно издевается? Как она только умудрилась подумать, что смертника можно испугать карцером?»

В это время терпение охранницы, похоже, лопнуло. Она подскочила к горлопанящей бунтарке и что есть силы хлестанула по коленям дубинкой.

«Она в курсе, – молнией мелькнуло в воспаленном мозгу арестантки, – она в курсе, иначе бы ударила меня палкой по почкам или голени. Нужно быть осторожной и не втянуться в настоящую борьбу, как и написано в письме. Иначе я ее сейчас уделаю, и шансов на спасение у меня останется ровно в минус десятой степени больше. Хотя нет, это если только шансов у меня было целых десять, а здесь столько не раздают. А если шанс на спасение всего один, то математически хоть в какую степень его ни возведи, хоть в минус сотую, он все равно останется одним».

Все это происходило под молчаливые тычки дубинкой, которые Амира терпеливо сносила, не нападая в ответ. Неизвестно, сколько бы еще это продолжалось, но надзирательница, видимо, сообразив, что нужно как-то продвигать дальше эту мышиную возню, ударила Амиру кулаком в переносицу.

Завязалась потасовка. В какой-то момент Амира поняла, что получила удар электрошокером вместо дубинки, и тихо обмякла на холодный каменный пол.

Очнулась она уже в лазарете. Далее по инструкции она должна несколько дней отказываться от пищи. Сиддхартх был в этом плане совершенно прав, она набрала не меньше пятнадцати килограммов лишнего веса, и теперь с ними нужно расстаться в экстремально быстром порядке.

Что будет потом с ее здоровьем, Амира не думала. Да и как можно было об этом подумать, когда на кону была ее жизнь?

Интересно, что стало с ее лицом. Она попыталась встать, но это было не так-то просто. Все тело ныло. И по понятной причине зеркала в палате не было. Она с радостью отметила, что окон здесь было намного больше, хотя они и были зарешечены так, что даже ручка ребенка не доберется. Не менее радостным было и то, что она не была привязана или прикована к кровати наручниками.

Но она понимала, что стоит ей только попытаться сунуться за дверь, она получит пулю в лоб. На этот счет в профилактории под названием Бахкирутан были особые и совершенно неоднозначные предписания, с которыми ее ознакомили еще при поступлении.

Она провела рукой по лицу. Так и есть, лицо распухло. Однако она не чувствовала на нем ран, это значит, что били прицельно, только чтобы появились гематомы. Значит, у нее еще есть шанс получить назад свое лицо без тонны пластических операций, если она, конечно, отсюда выберется. Надо же, кому-то не безразлична ее внешность! «Как это трогательно», – саркастически подумала она.

Но что происходит с ее правой рукой? Она попробовала согнуть пальцы. Пальцы гнулись, но реакция явно запаздывала. То есть, с такой скоростью работать рукой мог только столетний старик, но не она!

Черт! Эта гадина повредила ей руку! Говорят, то, чего ты больше всего на свете боишься, обязательно с тобой произойдет. Больше всего на свете она ненавидела и боялась лжи и предательства. И как по заказу, ее предал собственный брат. Да так, что эхо этого предательства преследует ее даже из его могилы.

Но еще больше она боялась, что что-то может случиться с ее руками. Тогда она не сможет играть ни на гитаре, ни на фортепиано, ни...

Она тут же себя одернула. Какая, черт возьми, разница, сможет ли она играть на фортепиано, если ей уготована смертельная инъекция. Кому, интересно, и, главное, что она собиралась играть?!

Она злилась и ненавидела себя в этот момент. В ту минуту, когда думать нужно только о том, чтобы хоть как-то остаться в живых, использовать своей единственный и последний шанс, она думала о том, что рука не двигается так, как надо! Как это на нее похоже. Когда были изуродованы ноги, единственное, что ее волновало, так это то, что они некрасиво смотрятся под колготками, потому и не носила юбок. Ну и дура же она!

Через неделю прямо посреди ночи в палату вошли двое и внесли на носилках какое-то тело. Амира сразу поняла, что человек на носилках был мертв. Их слишком долго учили определять это, чтобы она могла неправильно понять особо характерную бледность кожи и отсутствие хоть каких-то мышечных фиксаций, как у тряпичной куклы.

Интересно, если бы тот полицейский, доставший ее из котлована, руководствовался тем же самым обучением, лежала ли бы она сейчас здесь? Насколько ей известно, она была уже холодной, полумертвой, и лишь небезызвестная полицейская подозрительность да внимание к деталям спасли ее тогда.

Но сейчас не было времени на раздумья. Амира молча, хоть и не без труда, поднялась с кровати.

Тело переложили с носилок в то место, где только что лежала она. Амира, преодолевая чувство брезгливости и страха, медленно легла на носилки. У выхода из палаты ей быстро бросили какую-то пижаму и одеяло и велели переодеться.

Это было не так-то просто сделать, сил после голодовки практически не осталось, но она карабкалась, как могла. Она понимала, что если все пойдет гладко, скоро ее мучения закончатся, при этом сама она останется в живых. Так ей сообщало таинственное письмо.

Переодевшись, она отдала свою пижаму сопровождавшему ее человеку, который тут же уложил ее в пакет.

Наконец, наступил долгожданный час икс. В лазарете ее завернули в полосатый матрац, матрац положили в какой-то мешок и все это бросили в огромный контейнер вместе с другими матрацами и мешками.

Как можно было догадаться, матрацы эти были списаны, контейнер поставят в грузовик, и все это добро поедет на мусоросжигательный завод. Хотелось бы, чтобы ее вытащили из этого лоскутного крематория и вытащили вовремя.

Она задыхалась. Казалось, проведи она в этом матраце еще хотя бы один лишний час, и смертельная инъекция ей больше не понадобится, она околеет и так. Вонь была просто нестерпимой.

Нужно бы как-то заснуть. Но как это сделать, когда ты и на шелковых-то простынях в своем доме ворочаешься по полночи, как неприкаянная?

Амира вспомнила, как когда-то давно в гарнизоне ее учили специальной мантре, которая помогала ей заснуть. Четок с собой не было, поэтому она начала считать на костяшках пальцев. Правая рука ее не радовала совсем, потому, что за то время, пока она дотягивалась до пальцев левой руки, можно было бы родить, наверное.

Через некоторое время она ощутила какой-то толчок и вдруг обнаружила, что лежит уже не в насквозь пропахшем человеческими экскрементами матраце и даже не на каменном полу, а на вполне вменяемой кровати, хотя и довольно скромной.

Она была все еще в той самой пижаме, которую ей дали в палате. Ее мутило. Она не понимала, как оказалась здесь и попыталась вспомнить цепочку последних событий. Вот она пытается заснуть, читая мантру в уме, а потом почему-то ничего не помнит.

Через некоторое время, по мере того, как ее сознание начало приходить в форму, она поняла, что матрац был пропитан специальным составом, наподобие хлороформа или чего-то подобного, чтобы «пациент» отключился и не наделал ненужного шума при перевозке.

Да уж, постарались. Интересно, кто стоит за ее божественным спасением. Кому понадобилось, чтобы она в очередной раз осталась в живых? Хотя чего гадать, скоро она это и сама узнает.

Ее глаза постепенно привыкали к темноте. Был день, но окна были наглухо закрыты плотными темными шторами, создавая романтический полумрак. Она шарила взглядом по комнате, как вдруг чуть было не подпрыгнула от неожиданности.

В кресле, стоявшем в углу, сидел Он!

Человек в черном балахоне и капюшоне, накинутом на голову. Разглядеть его было невозможно из-за темноты в комнате и черного чулка, натянутого на лицо. На руках незнакомца красовались тонкие перчатки из мягкой черной кожи.

Кто же это был? Ее раздирали сомнения. И с чего вообще она взяла, что это мужчина? А что, если это женщина?

Да нет, все-таки, это мужчина. Крупноват для женщины, плечи широкие. А там дальше – неизвестно. Бывают и женщины такого сложения, хотя и встречаются они намного реже.

У нее стало тревожно на душе. Чего хотел этот человек? Кто это был? Был ли этот тот загадочный посетитель, которого она уже однажды видела? Каковы его мотивы?

Ведь ясно же, что вытащить смертника из Бахкирутана под силу только умельцам из особого подразделения войск Патонга, причем дело это было очень рискованным, хлопотным и дорогим. И это должен был быть очень нужный человек, чтобы ради него во все это ввязываться.

Одному Богу известно, сколько пришлось отвалить, чтобы подкупить надзирателей, пронести тело в камеру и обменять на нее, а ее потом вывезти в куче матрацев. Известно ведь, что каждый, абсолютно каждый предмет, выезжавший за пределы этой тюрьмы, подвергался жесточайшему досмотру!

Должны были быть веские обстоятельства, чтобы охрана «забыла» осмотреть именно этот матрац!

Интересно, все же, у кого теперь в кармане эти веские обстоятельства хрустят, и во сколько обошлось этому человеку ее спасение или тем, кто занимался этим деликатным вопросом для него. Но еще интереснее было узнать, чего же он хочет взамен!

Наверняка это похищение, и этот мужик в черном, убедившись, что она, наконец-то, вне опасности, будет пытаться вытянуть из ее семьи деньги. Скорее всего, так и есть. Интересно, как он собирается это проверить? Наверное, будет шантажировать ее мать. Она, конечно, порядочная стерва, но даже таких людей можно пронять, когда они теряют обоих детей да еще и внука! Видимо, этот талантливый господин хорошо подготовился и собрался предъявить что-то ее матери, угрожая выдать ее обратно властям Патонга на неминуемую смерть.

Что, если ради этого и был убит ее сын?! По коже Амиры пробежал холодок.

Увидев, что Амира проснулась, таинственная фигура встала и приблизилась к ней. Мужчина, а она была теперь уверена, что это мужчина, подошел к ней так близко, что ей стало неуютно. Судя по всему, похититель недавно побрился, и запах его лосьона после бритья действовал ей на нервы.

Ей почему-то вспомнился дом, и оттого, казалось, все старые раны синхронно вскрылись вновь, начав кровоточить. Сердце заныло, скучая по ее старой, сытой жизни, которой уже никогда не суждено вернуться назад.

Подождите! Он что, хочет чего-то непристойного?

Однако незнакомец тихо прошептал ей на ухо по-английски:

– Вы проведете здесь еще какое-то время. Нужно вывести вас из голодания и немного подлечить.

Амира не могла не отметить, что перед ней был совсем не дурак. Он явно не хотел светиться, раз шептал, а не говорил с ней нормальным голосом. Наверное, боится, что она его вычислит. Может, она имеет дело с Бхуми Бохара? От этой мысли она чуть было не прыснула. Да, нервы у нее, кажется, совсем ни к черту стали.

– А что будет потом? – спросила она.

– Наберитесь терпения, скоро вы и сами все узнаете.

В этот момент Амира резко дернула рукой, пытаясь снять капюшон с головы незнакомца. Словно бы предвидя этот маневр, он схватил ее за руку.

– Никогда... никогда больше не пытайтесь повторить это, – его шепот стал зловещим, – или я верну вас обратно в покои Бахкирутана. И мне не нужно вам объяснять, наверное, что приговор приведут в действие немедленно?

С этими словами он встал и вышел из комнаты. Уже стемнело, а он все не возвращался. Наконец, он опять материализовался, держа в руках тарелку супа.

– Поешьте. Начнете с пары ложек, остальное поставьте в холодильник и доешьте утром. Много есть сразу нельзя, вы достаточно долгое время провели без пищи.

Амире есть не хотелось, видимо, сказывался еще эффект хлороформа, или чего там она нанюхалась в матрасе кроме мочи.

Незнакомец опять словно бы прочел ее намерения.

– Это не обсуждается, – прошептал он, – вы должны быть в форме тогда, когда понадобится мне. Завтра я принесу вам одежду и попрошу вас привести себя в порядок и начинать понемногу двигаться. Не лежите в постели. Ходите.

Поморщившись, она потянулась к тарелке, но потом брезгливо отставила ее, словно бы увидев в ней дохлую мышь.

– Что это?

– Крапивный суп. Он будет вам весьма кстати.

– Вы в своем уме? Я вам что, поросенок, чтобы вы меня кормили супом из крапивы?

– Ешьте. Это не просьба.

– Подавляя подступающий приступ тошноты, она съела несколько ложек. Какой же отвратительный запах был у этого супа! Даже слипшиеся макароны Бахкирутана, сделанные, казалось бы, из прошлогодних газет, были лучше.

Она удивлялась, где он мог раздобыть крапиву. Если они были еще в Патонге, в чем она почему-то несколько не сомневалась, то здесь крапива не растет. А значит, крапиву ему откуда-то доставили. Станный он был человек, конечно. В подмосковном поселке, где она когда-то жила, крапива считалась сорной травой, ее выпалывали из огородов, она обжигала ноги во время прогулки в лесу.

А этому человеку мало, что ли, было расходов на ее вызволение из Бахкирутана, что он еще и крапиву выписал? Если такой умный, мог бы тогда и цветочков прислать. К ней, кажется, начинал возвращаться юмор.

В течение следующих нескольких дней она почти не видела незнакомца. Он приходил утром, оставлял ей еду на целый день и инструкции, что нужно делать.

Телевизора, телефона и каких бы то ни было иных развлечений в комнате не было. Поэтому она развлекалась тем, что набирала форму, приседала и отжималась. Сначала ее хватало всего на несколько раз, но постепенно она крепла, и нагрузки увеличивались. Она качала пресс и поднимала небольшие тяжелые предметы типа столиков, чтобы привести в форму руки.

Однажды утром незнакомец, принеся ей завтрак, не ушел как обычно. Он подошел к ней, протянул брюки и блузу и жестом велел переодеться.

– Сегодня мы с вами должны будем отсюда уехать.

– Но куда?

– Не спрашивайте пока.

Вскоре автомобиль с тонированными стеклами привез их в здание военного аэродрома Патонга. Именно здесь она совершила свой первый полет.

Лавина воспоминаний нахлынула на нее.

– Господи, ну кто-нибудь скажет этой бестолковой, чтобы интерцепторы выпустила? Как ты собираешься подъемную силу гасить?

Голос Сиддхартха звучал в голове, словно наяву.

Она вопросительно посмотрела на сторожившего ее мужчину.

– Подождите здесь, – прошептал он и вышел из машины, заперевав ее внутри.

Через полчаса он вернулся и протянул ей военную летную униформу. Точно такую же, в которой она совершала полеты, служа в армии. Сердце защемило вновь.

– Вы же не хотите сказать... – она запнулась.

– Хочу. Я как раз и хотел сказать, что уладил все формальности, и прямо сейчас мы с вами пересядем в самолетик и пересечем на нем государственную границу Патонга.

– Каких грибов вы наелись сегодня? Вас не просветили, что я лишена летной лицензии, и что даже воздушным шаром я теперь управлять не могу? К тому же, как я пройду служебный контроль? У меня же нет с собой документов? И почему вы так уверены, что наш маленький обман не раскрыт, и по моему следу уже не идут специально обученные агенты, чтобы вызвать у меня внезапный инфаркт миокарда, возникшего на радостях от успешного побега?

– Какая же вы упрямая. Я же сказал вам, что все уладил. Все, понимаете? К тому же, не забывайте, что официально вы умерли. Я дам вам немного больше информации, но уже после того, как мы взлетим. У нас есть всего полчаса. Если не успеете, наш план провалится, и вас с распростертыми объятиями будет ждать Бахкирутан.

– А...

– Самолет предполетную проверку прошел. Данные медосмотра и прочие данные уже находятся, где надо. Метеосводка и нужные расчеты – в кабине. На время полета и для связи с нашей группой управления вас будут звать Санджей Таманг. И да, мы с вами летим в Москву. Страсть как хочу сходить, наконец, в Мавзолей.

– Неплохо придумано. Это для того, чтобы меня могли принять за дочь Говинды Таманга и лишних вопросов не задавать? Кстати, в кабине лучше интимных переговоров не вести. Связь с нашим аэродромом должна быть постоянной.

– Не то, чтобы просто принять. Вы и летите вместо Санджей. Насчет связи и бортовых самописцев не волнуйтесь. Здесь у меня тоже все улажено. Вы можете разговаривать с диспетчером совершенно спокойно.

– Но...

– Не тратьте время. Давайте обо всем поговорим потом.

Когда они вышли, Амиру обуял страх. Перед ними стоял небольшой военный самолет-«грузовик».

– Я его не подниму. Никогда не летала на таких.

– Боюсь, у вас просто нет другого выбора. И я теперь увяз с вами по самые уши. Так что просто пойдете. Если у нас не получится, пусть лучше мы разобьемся, чем нас освежут в Бахкирутане. Этот самолет – единственное, что можно вывезти из страны без особых последствий. Для всех Санджей отправилась на помощь в тушении лесного пожара в Западной Сибири. Я знаю, что вы сейчас переживаете. И лучше бы я сам поднял эту посудину, если бы мог.

– Что вы вообще несете? На дворе 24 декабря, какой пожар может быть в Сибири в это время, вы хоть представляете? Вы хоть знаете, что такое Сибирь вообще, и какие там температуры зимой? Господи, вы словно с Луны свалились, честное слово.

– Да ладно вам. Можете быть уверены, здесь в Патонге тоже мало кто знает, что такое Сибирь вообще, и уж тем более, какие там температуры зимой.

– Ну, раз вы такой смелый, то когда я вам скажу, поможете мне привести РУД во взлетный режим.

– Что такое РУД? И почему вы не можете сделать это сами?

– Рычаг управления двигателем, господи ты боже мой! Вы когда своим коновалам отдаете приказы бить меня, в следующий раз просите их не перебивать нервы на моих руках!!! У меня правая кисть не дает нужного ответа с той скоростью, которой я хочу. Именно поэтому я и сказала, что не подниму эту тушу. Не только потому, что никогда не поднимала раньше в воздух такой самолет.

– А, вот этот джойстик? Понял вас. Не беспокойтесь. Мы справимся. Деваться нам с вами все равно некуда.

Она удивленно посмотрела на него. На кретина, вроде бы, не похож. Наверное, нервничает, также, как и она. И пытается завалить дыру своей нервозности хвойными лапами колючего юмора.

Они приготовились к взлету.

Амира привела закрылки во взлетное положение.

– Борт РТТ2323 просит разрешение на взлет.

– Борт РТТ2323 взлет разрешаю.

Амира была бледна, как смерть. Запустив двигатели, она подала знак своему спутнику, который перевел рычаг. Завершив разгон, она подняла в воздух самолет, нервно вздохнув.

– Безопасная. Шасси убрала.

Выключив фары и убрав закрылки, серая махина продолжала набирать высоту.

Щеки Амиры начали понемногу розоветь. Она не заметила, как ее спутник, повернув голову вправо и оттянув маску, вытер с лица пот и перекрестился.

После чего вытащил небольшую коричневую сумку, открыл молнию и достал оттуда паспорт, парик, одежду и грим.

– Вам это понадобится, когда мы сядем.

– То есть, вы хотите, чтобы я! Я проходила пограничный контроль по поддельным документам?! Вы в своем уме вообще?

– А что, у вас есть выбор? Ну, хотите, давайте вернемся. Но, может быть, кофейку для начала выпьем? Не сделаете?

– Ну да, а вы пока поуправляйте этим велосипедом, если сможете, конечно. Выбор, конечно, невелик. Но одно дело – бежать без документов через границу Патонга. И совсем другое – прилететь с фальшивым паспортом в Москву. Москва мне ничего плохого не сделала, чтобы я поступала с ней так.

– Да с чего вы решили, что паспорт – поддельный? Это самый настоящий паспорт Санджей Таманг. Поддельной будете вы. Вы по нему пройдете служебный контроль, потом мы передадим его настоящей Санджей Таманг, а еще через день она вылетит с ним и этим чудным самолетом обратно в Патонг.

– Вы бы хоть пооригинальнее что-нибудь придумали, что ли. Я-то может быть и загримируюсь под Санджей, хотя инспектор, наверное, должен быть сильно пьян, чтобы не понять, что мы с ней, вообще-то, не похожи. А во-вторых, кто-то из вас при разработке плана моего похищения подумал, зачем Санджей, которая почему-то вылетела накануне Рождества тушить пожар в Западной Сибири, понадобилось залететь заодно в Москву, находящуюся в совершенно противоположной стороне????!!

– Увы. У меня тоже не слишком широкое поле для маневров. В Москве человек один есть, довольно непростой, он мне задолжал тут кое-что. И вот он-то нам как раз и поможет. И с прохождением контроля, и еще кое с чем. Мы посадим самолет в маленьком аэропорту на юго-

востоке, там все можно будет сделать без шума. В других городах у меня такой поддержки не будет, поэтому здесь без вариантов. Что же касается Санджей, я думаю, она девушка неглупая, придумает что-нибудь.

Амира была почти в шоке от такого заявления. Интересно, знала ли Санджей, что ей потом придется в Патонге что-нибудь придумывать, чтобы оправдать свой разнузданный маневр.

– Хорошо, допустим в этом вы меня убедили. Но теперь нам с вами осталось решить одну небольшую, но важную проблемку, которая осталась между нами.

– Что вы имеете в виду?

– То и имею, что вы про меня все знаете, и я полностью в ваших руках. Я же про вас не знаю ровным счетом ничего: ни кто вы, ни зачем вы меня спасли от неминуемой смерти, ни каковы ваши намерения, ни того, что будет потом.

– Наберитесь, пожалуйста, терпения. Скоро вы и сами все узнаете.

– Я не собираюсь набираться терпения! – ее глаза опасно засверкали, – я не веду никаких переговоров с террористами и похитителям. Вы ведь с этой целью меня везете в Москву, да?

– Что за глупости вы говорите. Если бы я хотел похитить вас, я бы это сделал у вас на квартире, прямо посреди того чарующего вальса.

– Так это, все же, были вы!

– Я. Я не могу сейчас вам всего рассказать, но поверьте мне, я желаю вам только добра.

– Черта с два! Я достаточно живу на этом свете, чтобы верить таким вот доброжелателям. И я не играю в кошки-мышки неизвестно с кем. Хватит. Довольно! Или вы сейчас снимаете свой маскарадный костюм, или я разобью самолет. Вместе с вами и мной, разумеется.

– Да ладно! Неужели после всего того, что вы пережили, вам совсем не дорога ваша жизнь?

Лучше бы он этого не говорил. Амира, казалось, совсем слетела с катушек. Не говоря ни слова, она повернулась, выключила двигатели и резко потянула рычаг руля высоты от себя.

Нос самолета начал просаживаться вниз, и самолет стал терять подъемную силу. Началась тряска, которая с каждой секундой усиливалась.

Амира невозмутимо сверлила глазами незнакомца.

– Что вы делаете? Мы сейчас разобьемся!

– Я знаю. Угол тангажа уже вполне приличный, и у вас осталось совсем немного времени, прежде чем мы войдем в сваливание, а затем в штопор. Вытащить эту посудину из штопора я не смогу, как вы, наверное, уже поняли. Так что... Надеюсь, вы завещание написали.

– Господи!!! Ну хорошо!!! Я сниму маску, клянусь. Но сначала, бога ради, уберите крен!!!

– Ловлю вас на слове. Сами знаете, если вы меня сейчас обманули, я устрою сваливание снова. И тогда уже ничто не заставит меня передумать.

С этими словами она потянула на себя рычаг. Самолет начал выравниваться. Через некоторое время его нос занял горизонтальное положение, и тряска прекратилась.

– Считайте, что сегодня ваш лотерейный билет выиграл. Теперь ваша очередь.

Она повернулась и в упор посмотрела на своего спутника.

– Включите автопилот.

– Зачем? Мне и так хорошо. Вдруг вы передумаете, а мне только лишние хлопоты с этим автопилотом. Хотя вы все равно сами самолет не посадите, и не мечтайте даже.

– Вы очень нетерпеливы, право же. Включайте автопилот немедленно! Боюсь, когда я сниму маску, вы уже не сможете адекватно пилотировать наше транспортное средство.

Вся дрожь от этой загадочности, Амира перевела борт в режим автоматического управления.

– И не факт, что вы и сами-то его сможете посадить. Но видит Бог, я не хотел, чтобы все вышло именно так... Я хотел... Вот вы всегда такой были!!!

В этот момент человек в черном оборвал свою речь и плавным движением, словно бы нарочито замедляясь, снял капюшон, а затем и сам плащ.

Амира увидела перед собой высокого, хорошо сложенного мужчину. Одет он был в черные шерстяные брюки и черный пуловер, на ногах носил черные, аккуратно начищенные ботинки.

«Хм. Одевается, прямо как я», – машинально отметила она.

В этот момент незнакомец как-то устало снял свою черную балаклаву. Амира не заметила, что его руки дрожат.

Но когда она посмотрела на него, в ее глазах вдруг разноцветной радугой брызнул калейдоскоп из мозаичных стекол, как в той подзорной трубе, в которую она так любила играть с Люком. Картинки в трубе складывались в причудливые узоры, то цветочки, то мозаику, то фрески величественного собора.

Но теперь стекла просто хаотично мелькали перед глазами, а потом их словно кто-то накрыл черной тряпкой; она накренилась и повалилась куда-то вбок. И неминуемо упала бы на рычаги управления, если бы похититель не подхватил ее и не вернул обратно.

Он достал из аптечки нашатырь и поднес к ее лицу.

Амира встрепенулась. Потом, вновь увидев перед собой мужчину, она стала глотать ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Воздуха не хватало, и ее кавалер протянул ей бутылку воды.

Постепенно к Амуре начал возвращаться рассудок, хотя она еще продолжала открывать рот, словно пытаясь сказать что-то.

В глазах ее спутника отразилась мука.

– Вот видите... я не хотел, чтобы все вышло именно так. Я хотел...я хотел, чтобы все было по-другому. Нужно было вывезти вас из Патонга, иначе вы бы просто запороли всю операцию и погибли. А потом нужно было, чтобы вы, все-таки, посадили самолет. Я хотел вас как-то подготовить к нашей встрече. Вы же не думаете, что кто-то позволил бы мне пройти паспортный контроль в этом маскараде, правда. Пока бы вы гримировались, я бы все успел. А теперь...Вы очень сильная, я это знаю. Но вам придется собрать всю вашу волю в кулак и, во-первых, посадить самолет, а во-вторых, пройти контроль.

Она просто смотрела на него, не говоря ни слова. Из ее бездонных, потемневших глаз на форму капали слезы, одна за другой.

Ей казалось, что она сходит с ума. А может быть, это просто сон. Вот сейчас она посадит этот чертов самолет, выйдет на воздух, и галлюцинация рассеется.

Закусив губу, она вышла на связь с диспетчером и запросила разрешения на посадку.

Однако когда они вошли в чистенький, но крошечный зал прилета, Амира неожиданно для себя бросила на пол вещи и что есть духу побежала в дамскую комнату.

Пулей влетев в туалет, она ухватила левой рукой за раковину, зажав правой рукой рот. Ее сотрясали конвульсии рыданий, и она боялась, что если сейчас заплачет в голос, на шум соберется пол-Москвы.

Буквально следом за ней в ту же дверь зашел ее спутник и закрыл замок изнутри. Потом молча подошел к ней, обнял и уткнулся лицом в ее волосы, вдыхая их запах, по которому скучал, словно безумец. По его телу бежали мурашки, он весь дрожал.

Она подняла заплаканные глаза и посмотрела в зеркало. Он выпрямился. И в этот миг механизмы на старой машине времени, скрежетавшие проржавевшими шестеренками, остановились и застыли. Из зеркала на нее немигающим антрацитовым взглядом смотрел никто иной, как Анхель Аарон Рамон Мигель Теodoro Оливера.

7

Вдруг ее лицо перекосила слепая, неконтролируемая, глухая ярость. Она вырвалась из его объятий и жестко оттолкнула его, ударив ладонями в грудь.

– Пошел вон, самозванец! Кто вы такой, чтобы прикасаться ко мне? Вы не можете быть тем, за кого себя выдаете. Анхель погиб почти двадцать лет назад, а прах его отец развеял собственными руками. Я пока еще в здравом уме и прекрасно понимаю, из какой страны мы прилетели. И как там обстоят дела с пластическими операциями и искусством грима. Нет, у вас этот номер не пройдет. Да как вы вообще посмели! Отойдите от меня немедленно или я убью вас. Ничего святого в вас нет!

Самозванец, казалось бы, и не думал ее слушать. Он стоял, глядя ей в глаза немигающим взглядом, от которого она медленно распадалась на стружку из железной руды, прилипая к огромному, мощному магниту частичка за частичкой.

Вдоль ее позвоночника побежали мурашки. Так смотреть мог только он. Она вдруг вспомнила, как они играли в гляделки, когда только познакомились. Ни один смертный не мог столь долго выдерживать ее взгляда. Только он. В его глаза цвета мокрого асфальта она проваливалась, словно в два колодца, и летела в их угольную бездну, потеряв связь с реальностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.